

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Как отдаленное, во времени ли, в пространстве, часто кажется нам прекрасным, даже не будучи таковым, так и юность моя представляется мне замечательной и полной большого смысла, несмотря на лишения и многие опасные события, о которых надлежит рассказать.

Отец мой, господин Ли, служил в округе Фэнхуа провинции Чжэцзян, невдале от приморского города Нинбо, в звании чиновника седьмого класса. С детства помню его наряд с изображением утки-мандаринки, а на шапке бронзовый шарик. Ребенком звали меня Мацзы (Жеребенок), но с пятнадцати лет я получил настоящее имя и с тех пор зовусь Вэньхуа, что значит «Начитанный».

Такое имя надо еще заслужить. Я действительно рано освоил письменность. Получилось так, что начальник уезда пригласил из Ханчжоу в наставники своему сыну достойного и весьма ученого конфуцианца, звали его Ши Синьюэ. «Лучше

обучить наследника, чем оставить ему короб золота», — говорит известное присловье. Отец приказал мне пойти к господину Ши и тоже попроситься в ученики. Так я и сделал. Шэнли, сын начальника уезда, стал моим однокашником, и мы быстро с ним подружились. Сблизили нас не заботы и детские шалости, а прежде всего искреннее и глубокое почтение нашего наставника и желание больше напитаться всей премудростью, что нам он внушал.

Оттого и грамотой мы оба овладели довольно быстро и в достаточном совершенстве. О платье и еде для нас заботились родители, а сами мы денно и ночью читали и перечитывали творения старых мудрецов. Как говорится, бумага стала нашей пашней, а кисть плугом. Или еще из подобных изречений: летом книги нам озаряло мерцание светляков, зимой — блистание белого снега. Вчера мы читали писания Канона, сегодня Книгу истории «Шуцзин». Примером нам служил Сым Гуан (посмертное имя его Вэньчжен) со своим изголовьем. Знаменитый историк был столь усерден в ученых занятиях, что ложился спать, кладя голову на круглый отполированный чурбачок. На таком изголовье голова долго не задерживалась, соскальзывала — Сым Гуан просыпался и снова садился за книги.

Так и мы, не зная отдыха, пробирались в чаще познания и плыли в море премудрости, разбирая письма, все больше проникаясь мыслью и духом Чжу Си. Путь нам освещали негасимые светильники Лао-цзы и Конфуция. Причмокивая от усердия, твердили мы изречения полководца Сунь У, поднимая глаза к потолку, пересказывали содержание стародавних трактатов по воинскому искусству «Шесть стратегий» и «Три расположения». И все для чего? Чтобы когда-нибудь, преступив красный порог государевых чертогов в «шапочке беззаботного странника», преуспеть в словесных и воинских состязаниях, заслужить признание и милость, и вернуться домой, блистая пожалованным парчовым платьем, шелковыми цветами на шапочке, красной перевязью через плечо и с цап-лей, а то и с серебряным фазаном на груди и спине. О таком мечтает каждый юноша, посвятивший себя учености и ведению законов. Вода течет туда, где ниже, а человек стремится забраться куда повыше.

Отец не желал мне другой судьбы, как только стать чиновником, а затем продвигаться все дальше и дальше по службе.

— Достойный муж является в этот мир, чтобы прославить свое имя и запомниться людям замечательными делами, — внушал мне старик. — Он покидает пост полководца лишь для того, чтобы стать главным министром. Он ест и пьет из священных треножных сосудов, услаждает слух изысканной музыкой. Жизнь удалась, если род процветает, а семейство многочисленно и богато. Дабы призвание состоялось, молодые годы проводи в ученье, а затем углубляй свои познания в странствиях. Наступит время, выдержит экзамен и облачишься в парчовые одежды.

Впрочем, в другой раз, в ином настроении, отец мог внушать мне и нечто противоположное.

— Не беспокойся о том, что не занимаешь высокий пост, — говорил он, — беспокойся, хорошо ли служишь на том месте, где находишься.

Или:

— Не горюй о том, что тебя мало кто знает; постарайся быть достойным того, чтобы тебя знали.

Отец говорил мне это, а я вспоминал полюбившуюся мне старинную повесть «Записки о случившемся в изголовье». Некий юноша, говорится

в ней, мечтал о карьере чиновника. Всю жизнь он посвятил продвижению по службе, достиг, в конце концов, должности начальника главного секретариата империи. Император пожаловал ему высочайший титул яньского князя, осыпал почестями и наградами. Но потом, при наследнике, он попал в немилость, его обвинили в преступлении и приговорили к казни. В слезах и отчаянии царедворец всходит на помост, кладет голову под топор и... Юноша проснулся в хижине старца-отшельника, к которому сам пришел просить совета, как добиться в жизни чинов и богатства. Голова его лежала на чурбачке, том самом волшебном изголовье, а весь путь к успеху и дурное окончание этого пути были лишь сном. Таким-то образом, наведя провидческий сон, мудрец показал юноше тщетность и неразумность подобных стремлений.

В мире нет ничего постоянного.
Наполнишь свой дом золотом и драгоценностями,
но не сможешь их уберечь.
Стремясь к богатству, чинам и почестям,
сам навлекаешь на себя беду.
Истинное достижение — стать свободным
от свойственных несовершенному человеку желаний.
Когда сойдешь с пути славы и выгоды,
кто и как сможет причинить тебе вред?

Лао-цзы.

2

Втайне от родителей я мечтал совсем о другом — о бесконечных странствиях по всей нашей благословенной Срединной Империи, а потом и за ее пределами, по примеру великого флотоводца и открывателя дальних морских путей Чжэн Хэ. Больше всего стремился я сердцем в Обитель закатного солнца, то есть в Индию, страну неземной красоты и неземной мудрости, откуда явился к нам когда-то Просветленный и столь многих увлек таинственной своей улыбкой, куда неслышными шагами навсегда ушел Лао-цзы. Из всего множества книг чаще других оказывались у меня в изголовье Шань хай цзин, «Книга гор и морей», полная невероятных приключений в запредельных странах, а также «История Чжоу-вана» — о путешествии чжоуского государя к Сиванму, царице Преисподней.

«Мир так велик, что нет ничего такого, чего бы в нем не было», — говорится в книгах. «Огородные черви в огороде и умирают», — гласит народная пословица. Мне червем быть не хотелось.

Первые мои собственные отлучки из дома были связаны с нашим наставником. По старости лет господин Ши не мог передвигаться на большие расстояния самостоятельно и однажды попросил меня и Шэнли сопровождать его в поездке в Ханчжоу. Не зря путешественники называют этот город самым прекрасным местом на земле. Тогда я впервые увидел озеро Сиху, ни с чем не сравнимое, еще тысячу лет назад воспетое поэтом Оуян Сю в благозвучных стихах. В восхищении любовались мы совершенным зодчеством Драконова колодца и Небесного сада. Камни и плиты для них, как нам рассказали, привезены частью из Древней пещеры в Сучжоу, а частью даже из Индии. Пруд, что в Небесном саду, питается водой из Нефритового источника, отчего она всегда светла и прозрачна, а обитающие здесь разноцветные рыбки резвы и беспечны. Невозможно забыть Малую обитель спокойствия, с изяществом которой могут сравняться

разве что самые изысканные цветы. А вот Агатовый храм на Лиановой горе показался мне довольно грубым и простоватым.

Вблизи моста Силянцзя увидели мы восьмигранный купол могилы Су Сяо-сяо, знаменитой ханчжоуской певицы древности. Голос «малютки Су», как ее здесь называют, смолк за много веков до нас, при династии Южная Ци, но слава звучит до сих пор, и нет человека, который бы не знал ее имени. Сколько смелых героев и прекрасных женщин сошли с лица земли за это время! Почему, хотел бы я знать, одних боги наделяют бессмертием, а к другим, вполне заслуженным и достойным, они остаются равнодушны? Как выплыть из волн времени, смывающих все живое, и остаться в вечности? Ответ нам подсказывают мудрецы прошлого, да только трудно бывает во всем следовать их наставлениям.

Школа почитания словесности — в нескольких шагах от моста Силянцзя, в ней мы с Шэнли на другой день сдавали экзамен. Наши экзаменационные сочинения были названы образцовыми. Отметим это радостное событие мы пошли в Пещеру розовых облаков, превращенную кем-то в питейное заведение. Там впервые попробовали вина, заедая его сушеной олениной, водяными орехами и белыми, совсем как снег, корешками лотоса.

Домой я вернулся с прекрасными впечатлениями, полный сил и желания и дальше преуспевать на поприще учености, а затем и государственной службы. Увы, моим надеждам не было суждено сбыться. На исходе осени отец подхватил малярию. Он лежал на раскаленном кане и то просил протопить его еще посильнее, то требовал льда и холодной воды. Болезнь осложнилась тифом, отец слабел и таял на глазах. Я не смыкал глаз ни днем, ни ночью, менял компрессы, подносил целебные отвары — и так весь месяц. Однажды отец позвал меня, чтобы сказать свою последнюю волю:

— Я болен, опасаясь, что уже не встану. Ты же только читаешь книги и не знаешь, как прокормить себя, мать и сестру. Потому препоручаю тебя моему побратиму Жэнь Илану в надежде, что он поможет тебе найти место и продолжить мое дело.

На другой день прибыл господин Жэнь. Перед ложем отца я поклонился ему, признав своим наставником и руководителем. А спустя еще несколько дней в нашей хижине пели слезную Песнь о белом коне, раздавались причитания о росе на стеблях дикого лука. Мимолетность человеческая сравнивается в них с тенью неудержимо бегущего коня, уподобляется высыхающей на солнце утренней росе. Рядом со свежей могилой отца я соорудил хижинку из бамбука и веток, вроде шалаша, и как почтительный сын, жил в ней почти неотлучно три месяца, сжигая каждое утро по горсти погребальных денег. Все это время я предавался размышлениям. Если души не умирают, думал я, а только перемещаются из одного мира в другой, уместны ли при прощании громкие стенания и мучительные обряды? Зачем мы делаем вид, что расстаемся надолго, если знаем, что увидимся завтра? Уверенные в бессмертии, для чего жалуемся, что случайны и мимолетны? Вспоминались и очень утешали слова из Канона:

Все в мире растет, цветет
и затем возвращается к своему корню.
Согласное с природой означает вечное;
поэтому разрушение тела не включает в себе никакой опасности.
Человек при рождении нежен и слаб,
при смерти тверд и крепок.

Все вещи и растения при рождении нежны и слабы,
а при смерти тверды и крепки.
Твердое и крепкое — погибает.
Нежное и слабое — начинает жить.

3

Отец познал волю Неба, а мне пришла пора надеть шапку совершенноголетия. По окончанию траура я получил от начальника уезда приглашение на службу в управу. Наверное, постарался мой благодетель Илан, ведь я не сдавал еще положенных государственных экзаменов. Служба, заключающаяся в переписыванье и сверке дворов уезда, не была особенно хлопотной, но и жалованье было таким, что больше походило на милостыню. Потому нам с матушкой и сестрой приходилось довольствоваться тем, что называют «пищей святых отшельников».

Но это не огорчало нас. Как-то за ужином я рассказал домашним притчу из жизни Конфуция. Некто спросил Учителя, может ли человек совершенный оказаться в унижительной бедности, и как ему быть в таком случае. Конфуций разъяснил, что оказаться, конечно, может всякий, жизнь не всегда воздаст по заслугам, но человек совершенный тем отличается от несовершенного, что не унывает в бедности и не теряет достоинства.

Так-то так, но все же я не Чжуан-цзы и не мог представить себя порхающим мотыльком. Подходила пора возжигать собственный семейный очаг, позаботиться, чтобы не прервались жертвоприношения нашим предкам. Надо сказать, я давно уже переглядывался через улицу с соседской девушкой по имени Сюли. Все мне в ней нравилось — милое личико со смущенной улыбкой, маленький рост, делающий ее похожей на птичку, мелкий, торопливый шаг. Как-то я встретил ее по дороге и успел сказать ей несколько вежливых слов. Конечно, видом я не Пань Ань, да и с девушками у меня не было опыта. Сюли опустила вниз свои длинные ресницы и молвила в ответ обычные приветствия. Слова-то обычные, но голос ее, я это почувствовал, дрогнул от радости. Вернувшись домой, я сказал матушке, что пора начинать откармливать гуся для подношения родителям невесты. Узнав, что невестой моей предполагается стать Сюли, матушка просияла и тут же поручила сестре кормить выбранную гусыню отборным рисом и земляными орехами.

Но, как говорится, Небо лучше нас знает про наш завтрашний день. Тут-то и появился к нам мой двоюродный брат Дэмин. Он как раз вернулся из провинции Гуандун, угощал привезенными с юга сладкими ягодами личжи и хвастался, какой успешной была поездка. Узнав о моих делах, Дэмин стал смеяться:

— Ты нетерпеливо считаешь дни до жалованья, чтоб было чем растопить очаг и хоть что-нибудь положить в миску. В общем, как курица, не видишь дальше своего двора. Почему бы тебе не поехать со мной в Гуандун? Как говорится, быстрая слава при дворце, быстрая нажива в торговле. Да только еще неизвестно, удастся ли тебе дойти до дворца, а в Гуанчжоу сам увидишь, как легко и просто делают состояния на том, что перевозят товары с юга на север. Лучше сейчас, молодым, потрудиться, чтобы потом не ведать забот. А с женитьбой год-другой можно и подождать. Богатых женихов охотнее привечают.

Со свойственной ему склонностью к цветистой болтовне Дэмин рассказал, какой товар привез он из Гуандуна. Походило на нелепую басню:

— Тот, который попробует это чудесное зелье, способен летать и уходить под землю. Старый становится молодым, нищий богатым, урод красавцем, бездомный бродяга ощущает себя сыном Неба. За такой товар не жалко никаких денег. Изготовлен не где-нибудь, а в самой Индии, его привозят нам рыжие морские разбойники. Поначалу они и в самом деле кажутся страшными, но с ними легко подружиться. Если придешь к ним с серебром — они с тобой весело и честно торгуют. Здесь-то, в нашей глуши, снадобье еще как следует не распробовали, а вот в Гуанчжоу и Шанхае немало любителей. Кое-кто пользуется, говорят, и при дворе императора. Но я нашел и у нас деловых людей, способных наладить сбыт. А наше дело — поставлять товар и считать серебро.

Своим напором и говорливостью Дэмин смог уговорить матушку отпустить меня с ним. На другой же день я пошел в управу и попросил позволения оставить должность. Для начала торговли требовались средства, и я убедил нескольких своих богатых друзей сложиться, обещая им хороший доход. Дополнительно я взял несколько больших сосудов с шаосинским вином, которое, как сказал Дэмин, высоко ценится на юге. Матушка обеспечила меня рубашками и провизией, и через пару дней мы вышли на лодке из Дунба и поплыли в Уху. Было это в восемнадцатом году правления Даогуан.

Так я впервые увидел воды Янцзы. Ее простор и быстрое течение изумили и воодушевили меня. Увы, я не мог и вообразить, в каких невероятных обстоятельствах мне придется возвращаться великой рекой назад, видя бедствия и разрушения на ее берегах. И все это сотворили те самые морские разбойники, в чьих руках суждено было мне оказаться.

4

Как раз к полнолунию, сменив лодку сначала на самсан, а потом и на старую морскую ладью, прибыли мы в Гуанчжоу (его еще называют Уянчэн или Хуачэн, а европейцы Кантоном). Жилье сняли у Цзинхайских ворот, большую комнату на втором этаже, окнами на улицу. Свои товары поручили сбывать местным торговцам. Близился Новый год, покупатели слетались как мухи на съестное, так что за пять дней иссякли все наши припасы. Зато прибавилось серебра.

В незнакомом месте хорошо зарабатывать деньги, а праздники встречать лучше дома. В новогоднюю ночь меня удивило назойливое гудение комаров, у нас их не увидишь в такое время. В здешних местах не только погода иная, но и сами люди. Гуандунцы — народ легкомысленный и веселый. Того же обличья, с теми же пятью органами тела, а по духу и нравам сильно отличаются от наших. На праздник молодежь нарядилась, поверх подбитых ватой халатов надела яркие платья из разноцветного шелка. А уж фонарей, драконов, летучих змей — весь город заблестал разноцветными огнями!

В полнолуние Дэмин потащил меня на реку поглазеть на певичек, «выйти на лов», как здесь говорят. Вообще-то я по своему характеру предпочел бы, подобно поэту Ли Бо, пить вино наедине с луной, предаваясь созерцанию и молчаливой радости. Но недаром по всей Поднебесной поется: «Молодым не ходи в Гуандун!» — очень уж здесь много соблазнов, из-за которых можно душу потерять и забыть родной дом.

Мы вышли из Цзинхайских ворот, на реке, прозываемой Чжуцзян (на ней и стоит Гуанчжоу) наняли лодку с навесом и вскоре приплыли к

Шамянь — Песчаному острову. Удивительная картина представилась мне: в два ряда стояли «цветочные ладьи» с певичками, в каждом ряду до двадцати лодок, а в проходе между ними взад-вперед сновали челны с «ловцами».

К одной ладье мы и причалили. Хозяйка заведения, прозываемая Шутоу-по (Матушка, расчесывающая волосы), одета в темную короткую куртку и такие же темные шаровары до пят, с красным полотенцем по поясу. На голове пышный высокий убор с живыми цветами. Ходит она на манер актерок — босые ножки на ходу будто танцуют. Только мы поднялись на лодку, Шутоу-по с улыбкой выплыла к нам навстречу, подняла занавеску и в глубоком поклоне пропустила внутрь. В каюте стояли в ряд табуреты и стулья, посредине широкий кан. «Гости пришли!» — возгласила хозяйка, тут же послышался топот многих ног и показались девицы. Все напудрены, словно выбеленные стены, нарумянены, как гранатовый плод, наряжены в красные куртки и зеленые шаровары, или, наоборот, в зеленые куртки и красные шаровары, на ногах у одних короткие носки и туфли с бабочкой, другие босы, зато с серебряными браслетами на щиколотках.

Поклонившись, девицы уселись на кан, не говоря ни слова, только крутили глазами.

— Что теперь делать? — спросил я Дэмина.

— Нравится тебе какая-нибудь? — шепнул он. — Подмигни, позови — и проведешь с ней вечер. Только не набрасывайся на всех, на первый раз хватит одной.

Я еще раз осмотрел девушек — ни одна не понравилась.

— Экий ты! — вздохнул братец. — А вот в Чаочжоу, на другом берегу, красотки разряжены, как настоящие дамы, а то и богини. Едем к ним!

Поплыли в Чаочжоу. Там заведение на десяти лодках, а девушки наряжены в широкие рукава и длинные юбки, белила и румяна у них наложены тонко, прически напоминают воздушные облака. Главное, мне понравились их изящество и скромная манера изъясняться (у южан ведь не всегда и поймешь, что они говорят).

Управительница вдова Шао встретила нас с той же любезностью. Дэмин подозвал лодку, с которой торговали вином, а мне велел выбирать девушку. Приглянулась молоденькая, хрупкая, как журавленок, с крошечными лotosовыми ножками, приглянулась, думаю, тем, что лицом напомнила мне Сюли. Она назвалась Ксиаоли (Утренний Жасмин). Себе Дэмин подозвал девушку с именем Аи (Любовь). Вместе с ними мы уселись на кан, принялись пить вино и шутить.

Пробило третью стражу. Веселье иссякло, гости принялись обнимать певичек, другие задремали, склонившись на кан. Служка принес подушки, стеганые одеяла и принялся стелить постели. Хотя мне тоже захотелось спать, я не мог укладываться вместе с другими. И спросил Ксиаоли, нельзя ли найти место, где мы могли бы остаться вдвоем.

— У хозяйки есть отдельные каюты, но не знаю, не заняты ли, — ответила девушка.

Я кликнул лодочника и велел переправить нас на джонку вдовы Шао. Хозяйка встретила так, как будто только нас и ждала:

— Знала, знала, что придет дорогой гость, потому и оставила для него лучшую каюту.

Тотчас явился слуга со свечой и повел нас на корму. Каморка оказалась крошечной, но вполне уютной, с кроватью и широким застекленным

окном. Одежда, полог, туалетный столик и зеркало выказывали чистоту и изящество. Ложе было осыпано ароматными лепестками, к стойкам кровати привязаны колокольчики. Против изголовья картина с резвящимися Зеленым Драконом и Белым Тигром.

Ксиаоли предложила вернуться на корму и полюбоваться луной. Мне тоже того хотелось. Чарующий лик луны, бездонные небеса, безбрежные воды... По реке мириады огней, множество лодок. Поодаль играли свирели и струны, слышалась разудалая песня «Молодым не ходи в Гуандун!» Я оглянулся на Ксиаоли — лунный свет преобразил девушку в прекрасное привидение. Я обнял ее за плечи и увел с палубы.

Хозяйка прислала нам подкрепиться — чайник и миску горячих мантоу. Мы сели есть, потом стали пить чай — и разговорились. Оказалось, что Ксиаоли — это имя для гостей, а по-настоящему ее зовут Минчжу, Чистая Жемчужина — не местная, родом из Цзянсу. Отец ее умер, мать снова вышла замуж, а жестокий дядя, брат отца, продал Минчжу в Кантон. Из-за молодости и некрепкого здоровья матушка-хозяйка жалеет ее и отпускает не со всяким гостем. Но с другими девушками, хотя бы с той же Аи, не церемонятся: одного проводишь — другого встречай; на сердце камень — все равно улыбайся; от вина тошнит, а пей; пой, даже если горло болит; тело просит отдыха — а ложись под гостя, устраивай скачки. Бывают такие кутилы, что и оскорбят, а то и ударят.

Минчжу так рассказывала, что из глаз моих потекли слезы. Хотел поцеловать ее — и наткнулся губами на мокрые щеки. Я привлек девушку к груди, стараясь приласкать и успокоить. Так, не раздеваясь, продремали с ней до утра.

Любовь делает тебя зависимым — сначала боишься ее не найти, потом боишься ее потерять.

5

А все-таки надо было приниматься за дело. На другой день Дэмин нанял вместительную лодку, погрузил в нее кое-какую поклажу («подарки морским чертям», сказал он), мне же велел взять ровно половину наличных денег. И тотчас после полудня мы оттолкнулись от речной пристани и поплыли в сторону моря. Попасть нам следовало на остров Лянсин, что у входа в город, где, по словам Дэмина, нас и ждали «бесы» — люди из народа ханг-мау (рыжеволосые). Я с интересом и волнением разглядывал берега и во множестве снующие по реке джонки под парусами, весельные челны, лодки и лодчонки. Нигде и никогда я не видывал такого движения. Вдруг из тумана на горизонте показались серые призраки, похожие на скалы или на слонов под парусами. Когда мы подплыли ближе, я разглядел два больших корабля. Как матки присосавшимися детенышами, они были окружены джонками и ладьями.

Мы причалили к острову и оказались среди низких, выложенных из сырого кирпича, строений, не имевших окон, а только двери. У одного из строений вокруг большого стола сидели странного вида люди, они громко переговаривались, смеялись и по очереди со стуком бросали что-то на стол. Увидев нас, они, не вставая, стали поднимать вверх руки и что-то выкрикивать. Я взглянул на Дэмина — он тоже махнул рукой и крикнул им, не знаю, что именно и на каком языке. Да, кажется, это были просто возгласы без всякого смысла — «ха!», «хо!», «хе!», лишь бы обратить на

себя внимание. Так, взлаивая, приветствуют друг друга знакомые собаки. Но Дэмину, видно, такое общение было привычным. Он спокойно уселся на свободную табуретку, на другую указал мне.

Я впервые видел ханг-мау — до этого считал, что все жители Поднебесной и сопредельных стран похожи на нас. Эти же имели невероятные лица — белые, розовые, рыжие, конопатые, с большими носами и круглыми бесцветными, как у рыб, глазами. «Случись матушке увидеть таких, вот бы она напугалась!» — подумал я. Еще больше меня удивило, что странные люди не ведали Общего языка. Конечно, я знал, что *мань* на южных границах империи, как и племена *и* на северных, говорят на своих варварских наречиях и зачастую не понимают *ханьцев*. Зато все достойные люди обучены письменности. Эти же тупо смотрели, когда я кистью и тушью, предусмотрительно захваченными с собой, пытался передать им хотя бы простейшие понятия. «Нет, видать, они совсем из другой породы, возможно, и не люди, а принявшие человекоподобный вид демоны», — подумал я, стараясь припомнить на всякий случай заклинания против демонов. В этой мысли я совсем утвердился, когда услышал от Дэмина, что оборотни приплыли к нам с обратной стороны земли.

Один из них, бородатый, с большой дымящейся трубкой в зубах, подсел к нам и стал короткими клекочущими звуками, а больше на пальцах, что-то объяснять брату. Дэмин, мне показалось, понимал его и отвечал то жестами, то такими же непонятными звуками. Потом они встали и пошли в помещение. Вскоре Дэмин вынес оттуда аккуратный ящик, за ним еще два. Мы унесли их в лодку и, помахав на прощание демонам, поплыли обратно.

— Неужели эти ящики стоят так дорого? Ведь мы отвезли немало серебра, — спросил я брата.

— Нет, не беспокойся, больше половины денег остались при мне, — пояснил он. — У англичан, к сожалению, кончился товар, кончился здесь, в фактории. Там, на кораблях, сколько хочешь, но на берег доставки нет.

— Почему? Ведь море спокойное, волн нет.

— Э, да тут разыгралась целая буря! — засмеялся Дэмин. — И море взбаламутил государь, дорогой наш Даогуан. Не по душе ему вся эта торговля опиумом и прислал он сюда мандарина, уполномоченного навести порядок, а если не получится, вообще выдворить чужеземцев куда подальше. Уполномоченный начал с того, что приказал блокировать факторию иностранных купцов и сдать ему весь опиум. Какую-то часть чужеземцы сдали, а какую-то припрятали. Но теперь все кончилось. Корабли же, видишь, стоят на рейде и не смеют приближаться к Кантону.

— Так, значит, в этих ящиках опий?! А мы с тобой нарушаем указ императора! — вскричал я.

— Не шуми! — невозмутимо отвечал Дэмин. — Не первый это указ и не последний. Сколько раз власти начинали бороться с контрабандой — и все безуспешно. Ни одному чужеземцу, как ты знаешь, под страхом смерти не позволено ступить на землю священной нашей империи. И что же? Десятилетие за десятилетием белые почти в открытую поставляют и продают в Кантоне опий. Их корабли становятся на якорь в устье реки, потом лодками перевозят товар на остров, где у них, ты видел, склады и жилье. И все это покрывают наши чиновники, в том числе здешний губернатор. Говорят, чтобы не прикрыли эту лавочку, он постоянно отправляет богатые дары в Пекин. Говорят, у предыдущего губернатора нарको-

тики отняли одного из сыновей, а его жена настолько пристрастилась к нему, что однажды продала себя торговцу хлопком, чтобы только получить ежедневную трубку с опиумом. Так можно ли с этим справиться? В целое яйцо муха не залетит.

6

На другой день Дэмин предложил мне «открыть дверь сновидений», то есть попробовать самим то волшебное зелье, которым мы собирались осчастливить своих земляков. Искали недолго — в центре Кантона на каждом углу вывески, приглашавшие зайти покурить. Братец толкнул одну из дверей — и мы оказались в помещении, тускло освещенном стоявшей посредине жаровней. На тесно составленных деревянных лежаках виднелись люди, кто-то сидел с трубкой, кто-то лежа устался в потолок. В воздухе стоял сладковатый душистый дым. Мы тоже уселись на свободные лежаки — тут же хозяин принес нам циновки, ватные подушки, сплошь изрисованные черными и красными драконами, и две длинные бамбуковые трубки. Одну из них я взял себе и стал разглядывать. Инкрустированный медью почернелый чубук шелковый на ощупь, мундштук выточен из рога. Посредине трубки углубление, а в нем — фарфоровая чашечка в форме луковицы. Дно чашечки испещрено крохотными отверстиями.

Дэмин, улыбаясь, кивает на хозяина: смотри, мол. А тот длинной иглой достает из красивой бронзовой вазочки темный шарик и подносит его к жаровне. Над огнем черная смола светлеет, размягчается и начинает пузыриться. Хозяин подбегает к нам и ловко сует кипящий шарик в чашечку протянутой трубки, после чего братец берет ее двумя руками и начинает затягиваться. Я смотрю на Дэмина и удивляюсь его бессмысленной блаженной улыбке. Но смотреть некогда — подходит моя очередь. Шарик положен в чашечку, надо курить. Я сжимаю мундштук губами и начинаю тянуть. Чувствую, как сладкий запах кольцами вьется во рту, проникает в горло. Я начинаю задыхаться, в глазах темнеет. Вынимаю трубку и, как рыба без воды, дышу широко открытым ртом. Дэмин смеется и знаками показывает, что надо повторить. Делаю еще затяжку, вторую, третью... Дышать становится легче, сладкий дым проникает все глубже, голова слегка кружится. После четвертой затяжки драконы на подушке начинают шевелиться, крутить хвостом и разевать пасть. Я смотрю на брата — но вижу почему-то лицо Сюли. Мне становится весело — и я начинаю смеяться. На кольцах дыма я поднимаюсь все выше и выше, но вдруг кольца теряют упругость и силу, ломаются, и я стремительно, в полном изнеможении, свергаюсь вниз. Трубка выпадает у меня изо рта и словно куда-то улетает. Все начинает кружиться и перемещаться по сторонам. Я падаю головой на подушку...

Не знаю, сколько продолжался мой сон. Очнулся я от того, что Дэмин грубо тряс меня за плечи и громко ругался. Он силой заставил меня подняться и потащил на выход.

— Не думал я, что ты такой слабак, от одной дозы свалился, — укорял он меня по пути. — Я-то три шарика выкурил. И так славно полетал по поднебесью, даже дома был, Сюли привет тебе передавала. Что, не веришь? Нет, тебе еще надо втянуться, с первого раза всегда так, удовольствия не получишь. Но как сладко бывает, когда привыкнешь!

Я пообещал назавтра повторить посещение курильни. Но в ту же ночь, при закате луны, мне приснился отец. Он был суров и требователен, каким я никогда не видел его при жизни.

— Скажи мне, что такое сыновнее благочестие? — строго обратился он ко мне, будто на государственном экзамене.

Даже матушка возмутилась (она пребывала тут же на территории сна):

— Дожил до седой бороды, а не знаешь таких вещей.

— Я-то знаю, да вот от него хочу услышать, — отрезал отец.

— Батюшка, я, конечно, отвечу на ваш вопрос, — сказал я. — Вот обязанности сына к родителям: заботиться, чтобы они располагали всеми удобствами жизни; каждый вечер оправлять им постель; утром, при первом крике петуха, справляться почтительно о здоровье; в течение дня многократно спрашивать, не беспокоит ли их жар или холод; поддерживать при ходьбе; уважать то, что они уважают, любить то, что они любят; при жизни родителей не уходить из дома, в котором они живут. Так определяли сыновнее благочестие древние...

Суровые морщины отца стали немного разглаживаться, но он продолжил свой допрос:

— Сын мой, ты перечислил обязанности самые простейшие. На самом же деле проявления уважения и любви бесконечны. В старые времена некто Лао Лайцзы дожил до шестидесяти лет, его родителям было тогда за восемьдесят. Чтобы его возраст не напоминал отцу и матери об их глубокой старости, Лайцзы, несмотря на седину, одевался в детские платьица, играл и танцевал, веселя стариков. Или другой пример. Мальчику по имени У Мэн было всего восемь лет, а он летними ночами сторожил родительский сон, при этом раздевался совсем, чтобы комары кусали его, а не стариков. А вот еще. Вань Боу, заслышав гром, бежал на могилу матери, при жизни ужасно боявшейся грозы, и с криком: «Я здесь, матушка, не бойтесь, я с вами!» — укрывал могилу собственным телом. Нынче же сыновней почтительностью нередко именуют одну лишь способность прокормить родителей. Но ведь кормят и лошадей с собаками. Коли нет благоговения, то в чем же разница? Существует много степеней сыновнего благочестия, и ты не сказал мне о высших. Слушай меня! Первая степень требует почитания родителей, вторая — служения государю, третья — достижения высокого сана. Итак, начало сыновнего благочестия в том, чтобы сохранять тело, полученное от родителей, и заботливо избегать всего, что может ему повредить. Достигнуть высокого сана, действовать согласно с требованиями истинной нравственности, оставить навечно по себе добрую память во славу своих родителей — вот верх сыновнего благочестия. Тот, кто, имея родителей бедных и престарелых, не стремится к высокому сану, не проникнут глубоко сыновними чувствами. А потому говорю тебе: прекрати игру с ядовитой змеей, которую ты начал, и тогда вернешься живым в наш дом. Это не только мое повеление, но и моего отца, и отца моего отца, и всех отцов. Надеюсь, ты отнесешься к нему с почтением.

Отец повернулся и стал уходить, провожаемый частыми поклонами матери. Я проснулся в холодном поту, тут же вскочил и стал зажигать поминальные свечки. Мне все казалось, что отец только что побывал тут, в моей комнате. Слова его все еще звучали и отдавались эхом от стен, а шарканье подошв удалялось по коридору.

Надо ли говорить, что назавтра я, к удивлению и огорчению Дэмина, отказался от посещения курильни и впредь стал обходить подобные места стороной. Самого же Дэмина я не посмел призывать к благоразумию — все же он старший.

Меня-то тянуло в другое место — в Янчжоу, к лодкам вдовы Шао, где обитала полюбившаяся подружка. Стал я навещать ее, не каждый, конечно, день, а по настроению и по возможности. За каждое посещение здесь брали четыре заморские серебряные монеты. Но не жалко было их отдавать за радость видеть милую Минчжу (наедине я не называл ее иначе). Хотя легкомысленный Дэмин всякий раз выбирал новую, как в простолюбье говорится, «прыгал от лохани к лохани», а порой и сразу заказывал двух певичек, я всегда звал Минчжу. Выпивали с ней на верхней палубе чашку-другую вина, потом тихо болтали и развлекались в каюте. Мы оба были юными, притом чужими в большом шумном городе, жили вдали от родных — вино помогало нам забывать невзгоды. Вот и Ли Бо говорит:

Прекрасен крепкий аромат
Ланьлинского вина.
Им чаша яшмовая вновь,
Как янтарем, полна.
И если гостя напоит
Хозяин допьяна —
Не разберу: своя ли здесь,
Чужая ль сторона.

Я не заставлял Минчжу петь, много пить или как-то иначе угождать мне, и все девушки заведения завидовали ей. Кричали: «Вон твой любимый братец явился!» Все они весело, с явным одобрением, поглядывали на меня, ласково привечали и старались сказать что-нибудь доброе. Взглянешь на одну, кивнешь другой — они и рады, да так, что хоть осыпь их с ног до головы серебряными монетами, а такого расположения не добьешься.

Я видел, как трепетала и таяла Минчжу в моих объятиях. В бумагу огонь не завернешь. Я пообещал накопить денег, выкупить ее и жениться. Конечно, для такого шага требовалось соизволение матушки, и я понимал, что мне нелегко будет ее уговорить. «Невестка из портовых певичек!» Для матушки это будет позор, такого несчастья она может не пережить.

Дня через три мы с Дэмином снова побывали на острове. На этот раз морские черти не показались мне такими уж страшными. Они сидели и пили что-то из больших кружек. Налили и нам. Когда я поднес кружку ко рту, из нее сильно пахнуло неизвестным мне запахом. С первого же глотка у меня перехватило горло, а из глаз побежали слезы. Чужеземцы засмеялись, а один из них, самый молодой и веселый, потянулся ко мне со своей кружкой и знаками объяснял, что надо отхлебнуть еще и еще. Я отказался, а он единым глотком осушил свою посудину и зачем-то показал мне поднятый кверху большой палец. И снова засмеялся. «Чар-ли!» — тыча себя в грудь, говорил он. Я понял, что он произносит свое имя, и назвал ему свое. Между тем Дэмин, не церемонясь, выпил из своей круж-

ки и ему налили еще. «Это у них такое вино, ром, очень крепкое», — пояснил он мне с вдруг заблестевшими глазами.

Потом Дэмин долго, опять же с помощью пальцев, гримас и непонятных слов, изъяснялся с чужеземцами. Я ждал, что нам снова вынесут ящики, однако товара на этот раз у них вовсе не оказалось: императорская пограничная служба перерезала все поставки. Оставалось ждать, когда власти и англичане договорятся. Нам чужеземцы предложили другое занятие — снабжать их продовольствием. Оказывается, они уже несколько дней сидели почти без еды и теперь умоляли доставлять им за серебро рис, мясо, рыбу и овощи. Дэмин дал согласие, хотя понимал, что и такая торговля может быть приравнена к контрабанде, ведь власти Поднебесной хотели всеми способами принудить чужаков к покорности и заставить соблюдать наши законы.

Мы отплывали на своей лодке, а «демоны» стояли и махали руками. Я уже не боялся их — голодные, они нуждались в нас, а значит, не представляли опасности.

8

Есть дорога в рай, да редко кто по ней идет, ворота тюрьмы крепко закрыты, а люди непрерывно стучатся.

Стали мы с братцем переправлять продукты с кантонского рынка на остров, запрашивая за них с англичан двойную, а то и тройную цену. Конечно, мы рисковали, но зато и запасы серебра у нас хорошо подросли. Дэмин смог купить у местных купцов-дайбаней еще четыре или пять ящиков опиума (конечно, платить за них теперь пришлось больше) и решил отправиться с грузом домой. Причем на этот раз сухопутным путем, так как морем провозить зелье стало опасно. Мне он велел оставаться в Кантоне, чтобы не терять налаженные связи и следить за обстановкой. Мне и самому не хотелось уезжать, оставляя в постыдной неволе Минчжу. Я отправил с Дэмином матушке и сестре денег и просил его позаботиться о них.

Дэмин уехал, а я, как заботливая нянька, продолжал навещать иностранцев на острове, подвозя им лодкой заказанные продукты. Плавал поздно вечером, прикрываясь потемками.

Однажды — дело было уже поздней осенью — я приплыл к англичанам на остров, чтобы доставить им с кантонского рынка несколько корзин добротной еды. К тому времени я стал сносно понимать и говорить по-английски, в чем мне много помог Чарли. От нечего делать мы с ним часами сидели на берегу, обмениваясь словами и выражениями. Наш китайский ему плохо давался, почти все, чему я его обучал накануне, он на другой день забывал. Мне же нравилось осваивать странный и непривычный язык, письменность, оказавшуюся такой простой, хотя и удобной. Ни одного урока не прошло бесследно, возможно, сказывалась прежняя моя привычка к усердным занятиям. Меня только беспокоило и смущало то, что получался я двойным преступником — ведь подданным императора запрещалось изучать чужеземный язык, и еще строже преследовалось обучение иностранцев языку хань. Конечно, эти законы устарели и часто нарушались без всяких последствий для нарушителей. Я как будто знал, что когда-нибудь знание языка англичан может сослужить мне хорошую службу, а то и совершить полезные дела для государства. Так впоследствии и получилось.

В тот раз я сразу заметил, что насельники острова были сильно чем-то встревожены. Они взяли корзины, отсчитали мне серебро, но, против обыкновения, угрюмо молчали. Только Чарли уделил мне привычное внимание. Отведя меня в сторону, он рассказал, что между англичанами и китайцами в море произошла серьезная драка. Наша береговая охрана на джонках окружила и попыталась захватить два английских военных корабля, те в ответ открыли оружейный огонь и потопили четыре китайских судна.

В воздухе запахло порохом. Неизвестно, что предпримет ваш императорский мандарин, говорил Чарли, но его родина, «старая добрая Англия», конечно, не стерпит вызова и пошлет к берегам Китая десяток-другой военных судов, чтобы наказать вашего императора, потребовать от него возмещения убытков и установления свободной торговли. Мне расхождения Чарли показались нелепыми: ведь это английский флот незаконно шныряет у берегов нашей страны, занимается контрабандой, а потом топит китайские суда, а отвечать за произошедшее придется китайцам. Все равно как если бы разбойники напали на чей-нибудь дом, а виноватыми назвали бы не разбойников, а попытавшихся защититься хозяев. Но спорить не имело смысла: не в первый раз я слышал от моих знакомцев-англичан подобные суждения. Послушать их, так морским пиратам принадлежит весь мир и они имеют право всюду вести себя как дома и творить все, что заблагорассудится. Люди, которые не согласны с этим, объявляются дикими и подлежащими наказанию.

Мне надоело все это слушать, и я стал прощаться. Главное прояснилось: мои знакомцы покидают остров и перебираются отсюда на военный корабль, опиума от них в ближайшее время ждать не стоит, торговля сворачивается. Не скажу, что я очень уж был этим расстроен. В последнее время меня мучила мысль: а не участвую ли я в потакании злу? Сам-то я, благодаря отцовскому наказу, избежал плохой участи, но своими делами, по сути, способствовал тем, кто ввергает в пучину других, более слабых.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

По вечерам в Гуанчжоу с окончанием работ множество людей разных званий и возрастов спешат в дымные притоны, стремясь насытить алчбу, томившую и съедавшую их в течение дня. Дрожащими руками они отсчитывают деньги, торопясь поскорее заполучить трубку с дымом, после первых затяжек хохочут, толкуют бессмыслицу, потом валяются на нары, чтобы корчась, с искривленной улыбкой на губах, бредить в видениях. Для новичка довольно одной, двух трубок, опытный курильщик может тянуть весь вечер. Завсегдатая видно сразу: ноги его не держат, колеблются подобно стеблям травы, тело гибается сгоревшей свечой, лицо в морщинах пугает смертельной бледностью, глаза блуждают и плохо видят. Перестают служить память и рассудок.

Правильно говорят: «Дверь, скрывающую что-то доброе, трудно открыть; дверь, за которой дурное, трудно закрыть». За несколько месяцев, а то и недель, сильный, здоровый человек превращается в тень, умный и грамотный в идиота, состоятельный становится нищим. Не получившие в свой час трубку слабеют телом, из глаз и из носа у них текут нечистоты, к работе они не способны. Несколько глотков опиумного дыма ненадолго

возбуждают силы и ум. Найдет несчастный несколько медных монет, может быть, украдет у соседа, и влачится к грязной лавчонке, где надеется утолить пожирающую страсть выброшенными из трубок окурками. Последнее его пристанище — задний двор притона, обитель смерти, где лежат рядком курильщики, которым уже не суждено проснуться. Оттуда их, никому не нужную пададь, увозят на кладбище и валят в общую яму.

Ступившим на эту тропу невозможно остановиться. Жизнь им не в радость, их манят смертельные объятия призраков. Когда курильщиков хватают и отводят к начальству, они предпочитают вынести жестокие наказания, чем выдать тех, от кого получают опиум. Хотя стоит это удовольствие недешево. Говорят, заядлые курильщики тратят на свою страсть не меньше 35–40 лянов серебра в год. А ведь простой крестьянин зарабатывает в среднем за год 15–20 лянов. Так что среди потребителей опиума больше людей зажиточных. И войско поражено этой язвой, и чиновники. Не курит пока еще только народ, живущий в деревнях и в городских хижинах. Но ведь допусти свободную торговлю — и морские разбойники завалят страну опиумом, будут его продавать на каждом перекрестке, сбавят цены. Кто тогда будет засеивать поля, учить в школах, защищать империю от варваров?

В Гуандуне были наслышаны, что государь весьма обеспокоился распространением заразного пристрастия, выкашивающего его подданных подобно чуме. Он созвал на совет высших сановников и губернаторов. На совете одни говорили, что невозможно избавить народ от глубоко укоренившейся привычки и предлагали не бороться с нею, а использовать для своей пользы — то есть разрешить свободную торговлю опиумом и курение, но обложить их высоким налогом. За такой путь высказался в числе других и Дэн Тинчжэнь, наместник «самых обкуренных» провинций Гуандун и Гуанси. Другие советовали оставить все как есть, ничего не меняя. Запрещать опиум бесполезно, говорили они, это делалось много раз и не давало желаемых результатов, а официально разрешать тоже нельзя, так как это сделает нас сообщниками торговцев и может вызвать возмущение в стране. Выслушав тех и других, император в конце концов занял сторону решительных противников опиума — столичного сановника Хуан Цзюэцзы и его друга стихотворца Линь Цзэсюя, наместника провинций Хунань и Хубэй, советовавших принять самые жесткие и безотлагательные меры по искоренению зла, очищению и воспитанию народа. Государь назначил Линь Цзэсюя своим чрезвычайным уполномоченным посланником, командующим военно-морскими силами в Гуандуне, и повелел раз и навсегда покончить с проникновением отравы в империю. Увидев такой поворот, и губернатор Гуандуна господин Дэн мгновенно перековался — из сторонника легализации опиума в его мнимого врага.

В Гуанчжоу комиссар Линь начал с того, что силами береговой охраны задержал два десятка английских судов с опиумом, а от торговавших с иностранцами местных дельцов потребовал прекратить контрабанду и предоставить ему полную опись накопленных складских запасов. Главный поставщик опиума и содержатель факторий — Ост-Индская компания — не только не изъявила готовности к послушанию и сотрудничеству, но и приказала капитанам угнать из-под стражи арестованные суда в море. Тогда Линь военными силами заблокировал английские фактории, а всем китайцам повелел прекратить любую работу на иностранцев. Чтобы избежать тюрьмы, конфискаций и других возможных последствий — а императорским указом торговцам опиумом, в том числе и иностранным,

грозили суровые наказания, вплоть до казней — англичанам все же пришлось сдать властям 20 тысяч ящиков завезенной гадости. В городе было устроено показательное сожжение конфискованного опиума, как акт очищения и победы над злом.

В журнале «Гуанчжоуские записки» господин Линь обнародовал обращение к английской королеве. Все понимали, что не к далекой чужеземной правительнице, отправившей к нашим берегам военные корабли и заносчивых своих слуг, обращается уполномоченный, а к жителям города и провинции, да и всей Поднебесной, призывая их свидетелями и помощниками в нелегкой борьбе. Сотни людей собирались на перекрестках и оживленно слушали послание Линь Цзэсюя, оглашаемое чтецами. Вот что писал сей достойный муж:

«Наш великий и премудрый властитель *целенаправленно и блестяще* правит Поднебесной. При наличии дохода он делится им со всем народом, если случается беда, старается помочь каждому. Ибо он не отделяет жизнь людей от своей собственной, дела Земли от велений Неба.

Правители разных стран уважают великие принципы, на которых стоит наша империя, испытывают искреннюю благодарность за ее милости. Благосклонное отношение Государя к иноземцам позволяет им вот уже более двухсот лет получать значительный доход от торговли с нами. Однако не все ваши купцы следуют добрым нравам — некоторые из них стали заниматься злостной контрабандой опиума, распространением сей отравы в нашей земле. Эти люди думают только о собственной прибыли и пренебрегают вредом, который они наносят людям. Его Величество Император, узнав про такое коварство и беззаконие, испытал неимоверный гнев. Он послал меня в Гуандун для принятия решительных мер.

Довелось слышать, что курение опиума в вашей стране строго преследуется из-за его очевидного вреда. Но если запрещать зло в собственной стране, то не много ли хуже причинять подобное зло другим народам и государствам?

А ведь из Китая в другие страны вывозятся исключительно добротные и полезные товары — чай, барбарис, шелк, без которых не обойтись, а еще сласти, имбирь, корицу, сатин, фарфор. С другой стороны, нам из-за границы привозятся одни лишь малозначачие безделушки. Их можно принимать, а можно и без всякого ущерба от них отказаться. Поэтому у Китая нет никакой нужды в торговле с вами. Если мы позволяем беспрепятственно продавать по всему миру чай, шелк и другие наши товары, то потому только, что желаем блага всем людям.

Между тем в находящихся под вашим контролем некоторых областях Индии выращивается и изготавливается опиум. Дурной запах отравы поднимается оттуда, раздражая Небо и возмущая богов. Вам, о правительница, по силам искоренить опиум и засеять освободившиеся поля полезными злаками, что умножило бы общее благо и избавило людей от беды. За такое доброе дело Небеса продлят годы вашей жизни и жизни ваших потомков.

Пока же нашей стране, чтобы противостоять злу, приходится принимать более строгие законы: отныне подлежат смертной казни как продающие опиум, так и его потребляющие. В столь суровых мерах не было бы необходимости, если б опиум перестал поступать к нам из-за границы: ведь тогда китайцам нечего было бы ни курить, ни перепродавать. Выходит, это безнравственные и корыстные торговцы заманивают наш народ в опасную ловушку. Отчего же мы должны позволять им творить зло?

Тот, кто убил одного человека, по закону должен заплатить за это своей жизнью. Но опиум убивает людей тысячами. Поэтому суровые наказания — отсечение головы или повешение — ждут теперь в Китае и иностранцев, в том числе ваших подданных, попавшихся на контрабанде опиума. Только так можно избавить народ от смертельной опасности.

Наша божественная династия веками правит Небесной империей, а также множеством других государств и народов, проявляя во всем терпение, мудрость и духовное благородство. Даже преступников государь император не желает подвергать казни без того, чтобы не попытаться образумить их и предостеречь от незаконных действий. Когда ваш консул господин Эллиот, посчитав закон о запрещении опиума слишком строгим, обратился с просьбой отсрочить его исполнение, последовала невероятная милость его Величества: он повелел, чтобы те ваши подданные, что виновны в контрабанде опиума, однако добросовестно признались в деяниях и сдали запрещенный товар, освобождались от всякого наказания. Вот пример божественной справедливости и совершенного правосудия!

Ваши торговцы, если хотят торговать с нами долго и честно, должны с уважением отнестись к законам Поднебесной и сами уничтожить источник беды. Со своей стороны вы, Ваше Величество, могли бы тщательнее отбирать и испытывать людей, отправляющихся в Китай, чтобы наши страны могли вместе наслаждаться благословенным миром. Какая это была бы благодать!»

2

Послание господина Линя английской властительнице окончательно прочистило мне мозги и, словно фонарь во мраке ночи, высветило путь, по которому следовало идти. Все передуманное, все накопленное за годы учебы и странствий, лежавшее, как закопанное серебро, до сих пор без употребления, заговорило во мне и потребовало выхода и применения. Я почувствовал, что настал мой час, и я понял, что надо делать. Пусть я чужой в этом городе, пусть у меня нет ничего, кроме собственной головы, но я смогу многое сделать, если буду смел и настойчив. Экзамены ведь сдают не только в академиях и при дворе — в решительные минуты человека экзаменует само Небо, верности и послушания от него требуют наши предки.

На другое утро я надел новый, небесного цвета, халат, скромную, но достойную «шапочку беззаботного странника» и отправился в центр города, в квартал, где располагалась резиденция императорского посланника. Задача предстояла непростая — дожидаться выхода господина Линя или хотя бы его помощников. Для этого надо было держаться поближе, но и не привлечь преждевременного внимания стоящих у ворот, вооруженных луками и копьями, стражников. Поэтому я стал прогуливаться на значительном удалении от дворца, не показывая никакого интереса к происходящему. Вскоре из ворот выкатилась закрытая коляска, запряженная двумя рыжими лошадьми, выкатилась — и ворота снова закрылись. Кидаться наперерез коляске было бы неподобающей дерзостью, и мне ничего не оставалось, как только проводить ее глазами.

И тут на воротах сменилась стража. Мне это почему-то придало смелости. Я решительно направился к воротам и, поклонившись каменным тиграм, охранявшим вход, сказал стражникам, что у меня есть дело к уполномоченному посланнику господину Линю. Стражники посмотрели на меня из-под низко опущенных на лицо кожаных шлемов и ничего не

сказали. Я повторил свою просьбу. Стражники, словно они были неживые, даже не пошевелились. Я отошел от ворот и снова стал прогуливаясь. Наконец показался пеший чиновник, судя по одежде, невысокого разряда, и я решился преградить ему путь.

— Мне нужно поговорить с господином уполномоченным, — сказал я как можно почтительнее.

Чиновник остановился.

— А кто ты такой, чтобы господину уполномоченному говорить с тобой? — Он недовольно посмотрел на меня.

— Дело касается путей распространения опиума, я кое-что знаю об этом, — нашелся я, что сказать.

Глаза чиновника стали внимательнее.

— Встретиться с самим господином Линем не такое простое дело, как тебе кажется, парень, — сказал он. — Но я берусь помочь. Только ты составь записку со своей просьбой и приходи завтра утром, позовешь советника Чжоу. Писать-то умеешь?

— Еще как! — воскликнул я весело и откланялся.

Назавтра я стоял у тех же ворот. Советник Чжоу вышел ко мне и, забрав записку, велел ждать его возвращения. Наконец он явился вновь, предъявил начальнику стражи заготовленный пропуск и провел через двор в резиденцию. Я ожидал найти роскошный дворец, а увидел небольшое трехэтажное здание, скромное снаружи и не так уж богато обставленное внутри. Чжоу указал мне на стул и уселся рядом. Мне хотелось спросить его кое о чем, но Чжоу прижал пальцы к губам и покачал головой. После непродолжительного ожидания передо мной отворили дверь, отмеченную серебряным изображением журавля. Чжоу подтолкнул меня, а сам остался в прихожей. Я же переступил порог и по знаку встречавшего чиновника прошел вперед. В кресле под балдахином сидел белобородый старик в шелковом коричневом халате с журавлем-буфаном на груди и внимательно смотрел на меня. Я замер в поклоне.

— Говори, раз пришел, — раздался негромкий повелительный голос. — Ты ведь, я слышал, что-то собирался мне рассказать?

— Господин мой, я, как подданный и раб государя, хотел бы помочь тому чрезвычайной важности делу, которое он поручил своему усердному и верному слуге, — отвечал я.

Старик, показалось мне, усмехнулся:

— И чем же ты можешь помочь?

— Я нездешний, но сейчас живу здесь, в Гуанчжоу, занимаюсь торговлей...

— Опиумом торговал? — перебил он меня.

— Да, господин, покупал у иноземцев и отправлял домой. Но по милости Неба понял, какое это зло, и поклялся больше не торговать...

— Сам-то курил? — снова перебил он.

— Нет, господин, только один раз попробовал.

Старик засмеялся:

— Не понравилось? Что ж, продолжай.

— Я грамотный. А здесь, общаясь с иностранцами, я поневоле узнал их язык, могу говорить и читать.

Старик приподнял брови.

— Нет-нет, познания мои невелики и ничтожны, и вряд ли могут что-то значить, — поправился я. — Все же, надеюсь, мой господин, искупить вину послушностью и прилежанием.

Старик молча смотрел на меня. Кажется, никогда в жизни еще я не встречал столь умных и пронизательных глаз. Будучи строгими, они светились внутренней добротой; потонув в морщинах старости, блестели молодым блеском.

— Хорошо, что пришел, — вдруг попросту сказал он и дружелюбно улыбнулся. — Если ты умеешь изъясняться с чужеземцами, то действительно можешь помочь, без слова ведь и никакое дело не сделаешь. Так что могу взять тебя в советники. Как звать-то?

Низко склонившись, я поцеловал старику руку. Это и был Линь Цзэ-суй, всевластный посланник императора, гроза ханг-мау, рыжих морских пиратов.

3

Линь отнюдь не собирался запрещать торговлю с иностранцами или отгонять их от китайских берегов — он хотел только, чтобы они вели дела открыто и честно, и потому потребовал от иностранных капитанов и негочантов расписок с обязательством не заниматься контрабандой и никогда больше не привозить в Китай опиум. Но как добиться расписок, если спугнутые обысками англичане попрятались все на своих кораблях? Да и возможно ли договориться о чем-либо с каждым отдельным капитаном или торговцем, когда они все заодно?

Линь решил встретиться с английским «министром китайских дел» (он называл себя суперинтендантом) Чарльзом Эллиотом, чтобы попытаться убедить его в необходимости согласия и сотрудничества. Несколько дней они обменивались письмами, договариваясь об условиях встречи. Приглашение на английский корабль господин Линь отверг с порога — к лицу ли уполномоченному императора посещать иностранцев? Эллиот же не соглашался приезжать в город под смехотворным предлогом опасения за свою жизнь. Предложил встретиться в беседке на морском берегу: здесь суперинтендант мог чувствовать себя в безопасности под защитой своих корабельных пушек.

Для меня эти переговоры стали трудным экзаменом. Произношение моих учителей с острова Лянсин, простых моряков и торговцев, а значит и мое, видимо, сильно отличалось от выговора важного английского мандарина Эллиота. Но выбора не было, настоящих переводчиков тогда не находилось. В ходе беседы мне много раз приходилось переспрашивать и уточнять, а переговорщикам терпеливо выслушивать мои сбивчивые пояснения. Все же так объясняться им было много лучше, чем на пальцах.

— Три четверти того, что завозила и сейчас пытается завезти в Китай ваша Ост-Индская компания, другие английские торговцы, составляет опиум, — после обмена любезностями сказал господин Линь. — Ваш товар стал для китайцев национальным бедствием. Страх к курению каждый год губит тысячи людей. Неужели у вас нет других товаров, достойных столь передовой нации? И почему вы не отвечаете на законные требования прекратить завоз отравы в Китай, чтобы построить наши отношения на взаимной заинтересованности и дружелюбии?

Господин Эллиот выслушал перевод без малейшей перемены в гладком сером лице. В ответ он сказал:

— Англия стоит за свободу торговли где бы то ни было — в Европе, в Индии или в Китае. Мы считаем, что если возник спрос на какой-либо товар, то его, этот спрос, не могут остановить никакие границы, никакая

сила на земле. Есть спрос — будет и предложение, таков всемирный закон. Если бы все правительства усвоили эту истину, жить повсюду стало бы гораздо проще. Вы же изгоняете наших бизнесменов из Кантона, блокируете их в Макао, вынуждая перебираться на корабли. Неужели вы надеетесь тем самым отменить спрос? Запрете дверь, товар влезет в окно. Наше предложение таково, я говорю в данном случае официально, от имени королевы: легализуйте опиум, обложите его налогом — и все выиграют, мы будем сотрудничать, а в китайской казне прибавится денег.

— Скажите, разве спрос, о котором вы говорите, заключен в сущности человека? — негромко заговорил господин Линь. — Может быть, он встречается где-либо в природе? Или его благословляет небо? Нет, любое живое существо, как и любой неиспорченный человек, испытывает отвращение к ядовитому дыму. Мы не найдем похвалы опиуму ни в одной древней книге, ни у даосов, ни у буддистов. Слышал, что и христианство, религия вашей страны, его не приветствует. Значит, потребность в курении прививается искусственно, обманом и принуждением, вопреки чистой природе. Так следует ли поощрять такую потребность? Не будет предложения — исчезнет и спрос, выветрится как дым.

— Неужели вы думаете, что способны изменить человеческую природу? — засмеялся суперинтендант. — Боги и те, потеряв надежду что-то исправить, отвернулись от грешной земли.

— Возможно, они сменяют гнев на милость, когда увидят, что мы очищаем землю от лжи и отравы, — улынулся господин Линь. — Давайте говорить о неотложных делах. Как вы знаете, велением императора в Гуанчжоу разрешено торговать только тем из купцов, кто даст письменное обязательство больше не провозить опиум. Намерена ли английская сторона выполнить это условие?

Эллиот тут же набычился.

— Нет, ни в коем случае! — поднял он голос. — Я запретил англичанам, как военным, так и штатским, подписывать любые китайские документы, брать какие бы то ни было обязательства перед вами. Не может быть и речи о том, чтобы подданные королевы подлежали местному правосудию. На англичан распространяются только английские законы.

— Что ж, верно говорят: одной чашкой не чокнешься, — вставая, сказал господин Линь.

Англичане взяли за правило покрывать не одну лишь контрабанду опиума, но и любые другие преступления своих соотечественников. Скоро нам стало известно, что английские матросы в фактории Хон-Конг, предаваясь пьяным бесчинствам, убили нескольких беззащитных работников-китайцев. Господин Линь отправил своего помощника на пару со мной к Эллиоту с требованием выдачи убийц. Эллиот ответил нам, что, несмотря на все старания, он не может отыскать виновных. Возможно, сказал он, убийства совершены американскими матросами. Можно ли было терпеть такие издевательства от незваных пришельцев? Уполномоченный дал команду до Нового года выгнать всех английских торговцев смертью, удалить их товары и корабли за пределы Гуанчжоу и установить морскую блокаду факторий в Макао. Эти действия были одобрены и поддержаны двором. Император объявил закрытой для английских коммерсантов всю Поднебесную.

Увы, это ничему не научило англичан, привыкших действовать пиратскими средствами. Весной (в апреле 1840 года) Эллиот сообщил нам,

что Англия объявляет нашей стране войну и что к нашим берегам из Индии направляется флотилия из сорока кораблей с многими тысячами солдат на борту.

Помню, когда я передал слова суперинтенданта господину Линю, возможно, в преувеличенных выражениях обрисовав ему размеры и силу увиденных корабельных пушек англичан, господин Линь, прищурив глаза, задумчиво молвил:

— Нет большей беды, чем недооценивать противника. Однако, в конце концов, побеждает не порох, а тот, кто его выдумал.

Эти слова я хорошенько запомнил.

4

У меня появился хорошее и постоянное жалование — и я решился выкупить Минчжу из неволи, чтобы назвать ее своей. В ответ на мое предложение она покраснела, потупилась, долго мотала головой, пока, наконец, догадалась произнести: «Готова служить вам изголовьем и циновкой». А я сказал ей, что мы, как утка с селезнем, будем неразлучной парой.

Конечно, ни мне, ни Минчжу не у кого было просить согласия и благословения, я предлагал ей соединиться, что называется, «диким браком», без надлежащих церемоний. Но Гуанчжоу — город вольный, тут такое на каждом шагу, да и другого выхода у нас не было. Ради шутки я купил на рынке корзину с живым гусем и отправился к вдове Шао. Она изумилась моей просьбе отдать Минчжу в жены, долго охала и причитала, но потом согласилась отпустить ее за сто лянов. Сумма была просто непомерная, у меня тогда и не набралось бы столько. Мы с Минчжу едва не заплакали. И тогда хозяйка сбавила сразу вдвое: «Помните мою доброту!»

Мы сняли помещение из двух комнат и устроили свадебную вечеринку. Посаженным отцом пригласили знакомого мне торговца с рынка, посаженной матерью вдову Шао, а гостями нескольких подружек из ее заведения. Стол украшали четыре смены закусок, к ним ароматный соус из баклажанов, соя, подливки из душистого перца и сладкого чеснока, большое блюдо солонины, крепкое вино. Потом подали в чашках лапшу. Завершили пир чаем и сладостями. Я поблагодарил вдову Шао за хорошее воспитание приемной дочери. Все засмеялись, а веселее всех смеялась в тот вечер Минчжу.

5

Земля не треснула, а черти появились. Спустя два месяца стая военных английских кораблей, больших и малых, действительно показалась у Гуанчжоу в устье реки Чжуцзян (Жемчужная) и блокировала реку. Враг с оружием пришел требовать согласия императора на беспрепятственное отравление своих подданных, на взыскание громадной уплаты за придуманные убытки. По праву насильников он хотел отторгнуть для себя любую понравившуюся часть китайской земли, добиться свободы проникновения в наш дом своих коммивояжеров, шпионов и проповедников. Командовал флотилией из тридцати кораблей адмирал Джордж Эллиот, как выяснилось, родной брат суперинтенданта. Ничего себе братцы! Неужели родители не учили их ничему доброму, как только воевать и разбой-

ничать, нападая на мирных людей? А если учили, как же им должно быть стыдно теперь за таких сыновей!

Город стал готовиться к осаде. Однако ханг-мау не ограничились южным взморьем. Часть их пошла морем вдоль побережья на север и вторглась, как мы потом узнали, в мою родную провинцию Чжэцзян, захватила архипелаг Чжоушань, учинив там страшные грабежи и насилия над незащитными жителями. Только после этого в Пекине осознали военную опасность и приняли меры по обороне всего побережья.

Мы же готовились к отпору у себя в провинции. В Гуандуне стояли части Лу-ин, Войск зеленого знамени, те, что собираются вольным наймом из местных жителей. Господин Линь говорил, что дисциплина и боеспособность этих войск никуда не годятся. Солдаты ходили в обычных крестьянских штанах и рубахах, отличаясь от местных огородников только синей курткой без рукавов да круглым значком-иероглифом, обозначающим батальон. Голову они покрывали соломенной шляпой. Из оружия у них были длинные пики и копья, топоры и мечи, сабли и бердыши. Самой грозной силой считались лучники и стрелки с фитильными ружьями.

Видя это, господин Линь попросил правительство прислать восьмизнаменные войска, то есть регулярную армию. Вскоре в Гуандун прибыли кавалерийские и артиллерийские части — и уполномоченный назначил смотр артиллерии. За несколько дней до смотра военные погрузили свои пушки, фальконеты и разного рода пищали на наемные повозки и торжественно повезли за город, к подножью горы Бай-юнь-Шань.

В день смотра мы приехали в лагерь с рассветом. На обширной равнине стоял палаточный город. Народ начинал подниматься. Сквозь полотно палаток мелькали огни, разносился многоголосый крик торговцев пирогами и блинами. На переднем плане виднелись выставленные в ряд орудия разного калибра, медные и чугунные. У каждого орудия развевалось шитое шелками знамя. Пушки были увязаны веревками — иные просто к положенным плашмя брусам, иные к одноколкам, колеса которых были врыты до половины в землю. Ни часовых, ни прислуги: солдаты сидели беспечно в палатках, покуривая трубки, как мне показалось, набитые не одним лишь табаком, но у многих и опиумом, другие завтракали или чинили одежду. О предстоящем смотре, кажется, никто и не думал.

Вот на дороге показалась процессия из пеших и конных, в середине на белой лошади ехал военачальник-маньчжур с красным резным шариком на шапке, означавшим высокий воинский чин. Приветственный рев длинных труб и больших раковин встретил его. Вместе с другими командирами маньчжур занял место в палатке за столом с бумагой, кистями и тушью.

Трубы снова вскричали, теперь на самых высоких тонах, возвестив о приезде императорского посланника. Господин Линь со свитой разместились в открытой главной палатке.

Начался смотр. У первого ряда пушек, числом до двадцати, встали солдаты с горящими фитилями. На середину, между судьями и пушками, вышел полковник с красным флагом в руке. Он взмахнул флагом — и пушка изрыгнула огонь. Первый выстрел оказался очень неудачным, ядро почему-то не вылетело, а выпало из ствола, взбугрив землю и обдав пылью судей. Фейерверкер, протирая глаза, отправился к другому орудю. В палатке секретарь что-то записал на бумаге. Полковник снова

взмахнул флагом — на этот раз ядро далеко перенеслось над мишенью. Пушки при выстрелах подсакивали, крутились и рвались, как дикие кони в неловких руках, разметывая по частям самодельные лафеты. Стрельба продолжалась до последней заряженной пушки, после чего солдаты принялись выпутывать орудия из обрывков веревок и снова складывать их на телеги. Только пять или шесть выстрелов из сотни попали в цель.

Уполномоченный пригласил в свою палатку военачальников. Судя по голосу, он был очень недоволен итогами смотра.

— Почти полвека империя, успокоив окраины, почивала в условиях почетного мира и благоденствия, — говорил господин Линь. — Такого воинства нам хватало для поддержания внутреннего порядка, столкновений с контрабандистами и пиратами. Но вот в наши ворота ударил мечом враг, не известный доселе, не признающий законов Вселенной, не знающий общего языка, а потому беспримерно опасный — так сможем ли мы ему дать отпор и отогнать от могил предков, от домашнего очага? Сегодня я не получил надлежащего ответа на этот вопрос.

Генералы разъезжались в том же порядке, но уже без труб и литавр.

Линь Цзэсюй видел, что серьезное сопротивление чужеземцам невозможно без народной поддержки. «Если призвать всех военнообязанных из народа, — писал он в Пекин, — то мы легко сможем справиться с врагом... Я с помощниками выяснил настроение жителей провинции. Во всех деревнях и поселках по побережью жители с трудом сдерживают свое негодование, ненависть к бесчинствам и насилиям англичан велика. Люди, несомненно, будут защищать себя и свои очаги и готовы объединяться для обороны».

Но Линь понимал и то, что, как показали события, понимать не хотели в Пекине: без серьезных перемен в государстве и в воинском деле нелегко будет справиться с армией, вооруженной такими средствами истребления, изобретенными пытливыми европейцами, которых империя еще не знает. Он видел, что часть зажиточного населения и нашего войска уже пристрастилась к английской отраве. Потребители опиума, как и некоторые жители южного побережья, привыкшие жить контрабандой, могли принять сторону врага. Главное, и при дворе немало влиятельных людей получали выгоду от торговли опиумом — и были заинтересованы в присутствии англичан. Многие из них сами покуривали.

Потому-то сэр Эллиот и вел себя столь дерзко, отвергая наши предложения и требуя всяческих уступок. Он угрожал: «Против нас вы беспомощны и беззащитны; случись война, она будет скорой и кровопролитной». Англичане думали, что мы, китайцы, разобщены, что ханьцы ненавидят правящую династию, захватившую страну два века назад, и готовы восстать, чтобы восстановить прежнее правление Мин. Но тут они явно ошиблись. К нашему времени маньчжуры уже мало чем отличались от китайцев, почитание императора (богдыхана) освящено Небом, а европейцы представляли вероломными захватчиками.

— Нам необходимо знать силу и слабости англичан, и не только состояние их флота и вооружения, но и промышленности, финансов, только тогда можно вести с ними дела, — говорил Линь. — Надо научиться искусству врагов, чтобы затем превзойти их.

Для этого господин Линь заставлял своих людей разузнавать, где только возможно, о малоизвестном западном мире, покупать и переводить английские книги и газеты. Не было дня, чтобы он не требовал меня к себе

и не поручал перевести тот или иной текст. Надо сказать, со временем в канцелярии уполномоченного появились и другие переводчики из числа местных коммерсантов, прежде крутивших дела с англичанами. Много позже я узнал, что в те самые дни службы в Гуанчжоу Линь Цзэсюй создавал «Сы чжоу чжи» («Сведения о четырех материках», 1840 г.), необычный и очень нужный для нашего времени труд, в котором доступно и толково рассказывается о географии, истории, праве и политике разных стран.

Без боязни прослыть вольнодумцем господин Линь делился с нами своими мыслями. Поднебесная тогда будет сильна и сможет противостоять врагам, говорил он, когда сумеет изгладить или хотя бы уменьшить недоверие и вражду между двором и народом, между живущими в показной роскоши сановниками и простыми людьми: «Чем глубже пропасть между излишеством и бедностью, тем ближе гибель, чем меньше расхождение, тем крепче порядок, — говорил Линь. — В древности отношения между правителями и народом были подобны отношениям между людьми, пьющими вместе вино». И напоминал слова мудреца Куна: «Возвышайте праведных, ставьте их над неправедными — и люди будут послушны. А если возвысить неправедных и поставить их над праведными — люди слушаться не будут». «Управлять — значит исправлять. Исправьтесь сами — и никто из ваших слуг не посмеет быть кривым».

6

Двор богдыхана не доверял простому народу, а вот господин Линь не побоялся обратиться к нему. Рыбаков, лоцманов, ловцов жемчуга, городских ремесленников и крестьян соединяли в ополчения, их вооружали, готовя для боевых действий на суше и на море. И когда враг блокировал Гуанчжоу и высадился на берег, партизаны-пинъинтуань («отряды по усмирению англичан») стали нападать на захватчиков и бить их в самых неожиданных местах.

Однако двор, судя по всему, начал опасаться возросшей самостоятельности Линь Цзэсюя, уважения и любви к нему простых людей. Император стал отменять многие его распоряжения. До государя дошли распускаемые врагами слухи, что движение пинъинтуаней не только обороняется от англичан, но и готовится свергнуть власть маньчжуров, объявить Гуандун независимым от Пекина. Такие настроения на юге действительно были, но они зрели в «тайных обществах», к которым Линь не имел никакого отношения. И все же капитулянты и предатели при дворе нашептывали государю о необходимости договориться с англичанами и поладить дело миром.

Тем временем английская эскадра, оставив большинство судов и гарнизон на архипелаге Чжоушань, отплыла на север — в Желтое море, поочередно блокируя и громя китайские порты. В августе из Бохайского залива корабли англичан вошли в устье реки Байхэ и стали угрожать фортам Дагу, прикрывавшим подступы к Тяньцзиню. А там недалеко и до Пекина. Император Даогуан в связи с постигшим страну вражеским нашествием обратился с мольбой к Небу, в которой были такие слова (обращение зачитали в храмах и разослали по провинциям):

«Грехи мои множатся день от дня, мне недостает подлинного благочестия, и в этом вижу причину постигшего страну бедствия — вторжения

чужеземцев. Отринув ложь и лукавство, желая одной лишь истины, оцениваю я свои деяния и поступки. Со слезами вопрошаю себя: не относился ли я небрежно к жертвоприношениям? Не поселились ли в душе, подобно совам в брошенном храме, самолюбие, гордыня и страсть к роскоши? Или недостаточно ревностен я был в служении государству, мало заботился о нуждах народа, не хватало мне в этом должного старания и усердия? Может быть, не вмещаю я в своем сердце сердца всех людей, как учил великий наставник Кун-цзы? Кланяясь до земли, не смея поднять глаз, в надежде искупить свою вину и негодность, молю царственное Небо ниспослать нам победу, помочь спасти жизнь людей!»

Мольба государя об искуплении и прощении тронула души людей, многие, слыша эти кроткие жалобные слова, плакали и тоже молили богов о помощи. Я сам, как и другие, горел желанием встать под маньчжурские знамена и идти сражаться.

Но тут дошли до нас вести, что император и придворные, видимо, не очень-то веря в силу своих покаянных молитв, не придумали ничего лучшего, как, отбросив твердость и принципы, быстрее замирились с врагом. Вести переговоры поручили Ци Шаню, наместнику столичной провинции Чжили, известному вожаку трусов и капитулянтов. Сэр Эллиот, ощутив себя победителем, с порога предъявил самые нахальные требования — возмещения стоимости уничтоженного в Гуанчжоу опиума и понесенных англичанами военных расходов, официальных извинений, а самое главное — передачи Англии двух или трех островов у южного побережья под стоянки флота и складирование того же опиума. И — о малодушие! о предательство! — Ци Шань принял жестокие требования, поставив, правда, одно условие — чтобы англичане поскорее увели эскадру из Желтого моря обратно на юг.

Тот, кто обращается в трусливое бегство, уже не может остановиться. Вскоре мы с поникшими головами слушали пришедший из Пекина указ императора об отмене запрета на торговлю и курение опиума и о лишении Линь Цзэсюя всех его должностей. Наместником Лянгуана (Гуандуна и Гуанси) становился Ци Шань. «Два тигра в одном лесу не живут», — пошутил тогда Линь. И действительно, через непродолжительное время он был объявлен «виновником всех бед» и отправлен в ссылку в далекую от побережья, пустынную и глухую область Синьцзян.

— И как только вы будете ладить с тамошними дикарями? — сочувственно обратился к нему один из чиновников.

— Если где-либо поселится просвещенный и благонравный человек, вроде меня, то какая же там будет дикость? — был ответ. — Бывает достаточно одного пламенного человека, чтобы воспламенить весь народ.

Конечно, это тоже было сказано в шутку: господин Линь не любил говорить о себе. Он у нас, своих подчиненных, просил прощения за то, что теперь, с его уходом, и мы попадали в опалу, теряли должности и жалованье. Все служащие с великой печалью расставались с Линем, безупречным руководителем, и желали ему долголетия и возвращения в милость государя.

В ссылке Линь Цзэсюй, как теперь мне известно, пробыл пять лет. Только после его смерти император понял, какого преданного друга и честного сановника он потерял, и воздал ему должное. Линю присвоили звание Князя культуры и верности (Вэньчжун-гун), табличку с именем установили в Храме прославленных чиновников (Мин хуань цы), а в Сиани возвели храм в его честь.

Тот, кто считает себя во всем правым, не может стать лучше.
Тот, кто снисходителен к себе, не способен совершенствоваться.
Мудрый все время в пути,
он не пытается сбросить груз со своей повозки.
Если даже доведется ему оказаться в царском дворце,
он и там будет чувствовать себя вольно и беззаботно,
подобно случайно залетевшей ласточке.

Все, что в трудной борьбе совершил Линь Цзэсюй во имя независимости и достоинства государства, для избавления народа от постыдной болезни, было тут же немилосердно порушено. Новый наместник не только восстановил связи с англичанами, разрешил им неограниченный ввоз опиума, но и в раболовной угодливости стал расправляться с участниками сопротивления. Он даже потребовал казни командира гуандунских морских сил Чэнь Ляньшэна, отдававшего приказ открывать огонь по английским судам. Только громкое возмущение всей провинции спасло жизнь герою, а все же сражавшиеся с захватчиками морские и сухопутные части были расформированы.

Ци Шань быстро договорился с Эллиотом о прекращении боевых действий, приняв все его требования. Однако струсил честно обо всем доложить государю, скрыл от него самое позорное деяние — сдачу острова Хон Конг. С древности говорят: «Землю и жену не уступай никому». Захватчики же не стали скрывать торжества и тут же подняли над островом свой разбойничий флаг. Да еще и продолжили наступление на Гуанчжоу, захватив один из фортов, прикрывавших город со стороны моря. Когда обман раскрылся, император в гневе приказал арестовать предателя и отдать под суд. Все имущество Ци Шаня было конфисковано, а жены и наложницы проданы с аукциона.

7

Так я остался без службы и жалованья, а ведь теперь приходилось думать не о себе только, но и о названной жене, милой Минчжу. Она, как птичка в гнезде, каждый вечер ждала моего возвращения, восторженно встречала и старалась повкусней накормить и погорячее обнять.

И вот что меня удивляло: пребывание, хоть и непродолжительное, в заведении вдовы Шао не испортило Минчжу, не помешало ей сохранить редкостную стыдливость. В супружеской жизни она предпочитала путь Золотой середины, давно проторенный, отвергая все новые и тем более неожиданные тропинки, вроде «игры на свирели» или «добывания огня за рекой». Думаю, именно оскорблявшая ее служба певичкой и внушила ей неприязнь к разного рода изыскам и придумкам. Всякие такие действия и желания Минчжу называла непристойными. «Недаром всем этим люди занимаются ночью, как воры, потому что стыдятся самих себя», — говорила она. Я спорил с нею и убеждал, что в страстной любви нет ничего постыдного, а мужу с женой можно ласкаться и днем, потому что они не воры, не «крадут яшму», как говорят о тайных связях, а отдают друг другу положенное. «Ты же знаешь, говорил я, учение об Инь и Ян, в их соединении гармония и совершенство мира, здоровье и радость супругов».

Впрочем, я и сам в любви был не из тех, кто как голодный иноходец рвется к кормушке, ложе называет полем битвы, себя наездником и жадно стремится найти и присвоить субстанцию Инь. Мы с Минчжу чаще любили в сумерках сидеть вдвоем, играть на лютне, тихо петь в два голо-

са, мечтать, как у нас родится сын или дочь, а потом мы уедем ко мне домой, упадем перед милостивицей-матушкой, прося простить и принять нас во имя спокойной ее старости.

«В жаркий день острым ножом разрезать спелую дыню на красном блюде — что может быть лучше этого удовольствия!» — восклицал поэт. «Седая луна над высокой башней, струится прозрачный свет. Дремлешь, положив на колени лютню, нежное дыханье цветов наполняет складки халата...» К таким простым радостям я стремился, о спокойной жизни в ученых трудах и размышлениях я мечтал. Но, как говорил Учитель Кун, дерево желает покоя, а ветер вечно в движении.

Стараются нажать себе больше вещей,
а пользоваться ими времени уже нет.
Имеют большие лодки и богатые повозки,
да некому в них садиться.
Есть у них войска и оружие,
да нет полководцев.
Гнетет их страх смерти,
страшатся любых перемен.
По мне так лучше питаться простой едой,
довольствоваться одеждой, которая на тебе,
только чтоб дом твой дарил мир и покой,
а самые обыденные дела приносили радость.
Чтобы соседние земли не враждовали
и можно было бы слушать через реку
лай собак и пение петухов.
Люди жили бы до преклонных лет,
и уходили с почестями, чтобы не возвратиться.

8

Но если ворота осаждают грабители, сможет ли кто предаться сну и покою? Вот и государь наш возмутился вероломным захватом Гонконга — и призвал народ к сопротивлению злодеям. Средства для ведения войны правительство надеялось найти, как обычно, продажей доходных мест и званий, сбором пожертвований с людей богатых и обложением дополнительными налогами простого народа. Гуанчжоу укреплялся, на реках возводились заграждения. Способ устройства заграждений был простой и дешевый: толстые бревна скреплялись между собой железными скобами так, что получались ящички, равные высотой глубине реки. Затем ящички нагружались камнями и опускались на дно. Такие наскоро сооруженные дамбы надежно преграждали путь английским кораблям на случай, если бы они попытались войти в город.

Огнестрельное оружие закупалось у португальцев в Макао. Несмотря на все старания англичан перехватывать китайские джонки за пределами португальских владений, в город завезли около пятисот медных и чугунных орудий, сотни ящичков с ружьями и пистолетами. Началось военное обучение добровольцев, их численность достигла почти тридцати тысяч. Командующим в Гуандун император послал своего племянника Ишаня, тот в дополнение к местным силам собрал войска из соседних провинций и в мае начал военные действия на суше и на море. Увы, наши суда оказались слишком слабы перед английскими пушками, и многие были потоплены. Противник стал наступать, захватил форты к северу от Гуанчжоу и вынудил войска Ишаня укрыться за крепостными стенами.

Началась осада, артиллерийские обстрелы, в городе стало не хватать воды и продуктов.

Я каждое утро спешил на рынок, чтобы раздобыть какой-нибудь еды. Но подвоза не было, крестьяне не могли попасть в город, а на имевшиеся припасы торговцы невероятно подняли цены. Как говорится, акула будет только рада, если весь мир окажется под водой. Повсюду на улицах сидели и лежали голодные и больные люди, и им некому было помочь. Мне становилось страшно за жену — ведь мы ждали ребенка, у Минчжу заметно округлился животик, и потому ей особенно хотелось есть.

В тот день с раннего утра враг как-то особенно яростно обстреливал город. Со стороны моря слышался сливающийся гул пушечной пальбы, вблизи — свист, удары ядер и взрывы падающих гранат. Из домов вылетали стекла, по улицам, как муравьи из разрытой кучи, во все стороны бежали люди. И все же рынок не пустовал, мне удалось купить вяленой рыбы и мешочек проса, и я поспешил домой. Земля на улицах была в ямах, будто изрыта свиньями, небо застлано дымом пожаров.

Канонада вдруг стихла. После часового оглушающего неистовства орудий страшно было слышать треск горевших крыш, стоны раненых, плач детей и крики о помощи.

И тут я увидел наш дом — он был объят пламенем, корчился и извивался, словно живой. Рядом стояли люди. Приняв свою судьбу, они больше не бегали, не крутились и не кричали, а заворуженно смотрели на огонь. Увидев меня, они расступились. В стороне, на траве, я увидел Минчжу. Она, скорчившись, лежала на боку — комок грязной одежды, намоченный кровью. Она была еще жива, но от боли, с прокушенным языком, не могла говорить, только стонала. Она смотрела, но не видела, глаза ее западали под веки, уходили от меня навсегда...

Еще около года скитался я в Гуанчжоу, но плохо, неясно вижу то время, не люблю и вспоминать, как я тогда жил. Я словно заглянул тогда, со смертью Минчжу, с пожарами и гибелью множества людей в городе, за пределы видимой жизни, в другой мир, где меня обдало тлением и холодом, и я ходил как тень, мало думая и ничего не желая. Надеюсь на забвение, я даже пробовал курить опиум — но душа вновь не приняла его, и мне стало стыдно за свое малодушие. Я мог есть — а мог и целыми днями обходиться без пищи; мог спать, а мог лежать с открытыми глазами и видеть что-то другое, чего не могло быть на потолке и на стенах. Как-то, еще в хорошие времена, в городской харчевне захмелевший старичок делился скопленной мудростью: «Если увидишь в винной чашке кого-то, кого на самом деле нет рядом — больше не пей». Я и вина не пил, а видел то Минчжу, то отца, то матушку, то сестру, подолгу разговаривал с ними. Видно, они приходили поддержать меня и спасти.

Тих я и незаметен,
словно еще не явился на свет,
словно младенец, еще не умеющий смеяться.
Такой усталый, такой грустный,
похож на странника,
забывшего дорогу назад.
Все люди держатся за свое, родное,
один лишь я не имею ничего своего.
Сердце мое подобно глупому человеку —
не знает оно, что ему нужно!

Я понял, что мне нельзя, опасно пребывать в одиночестве, и силой заставлял себя выходить из лачуги и брести вдоль улицы.

В один из дней я увидел колонну людей с лопатами и кирками и пошел вслед за ними. Это были ополченцы, горожане, сомкнувшиеся для защиты от англичан. На городской окраине они рыли траншеи, в них солдаты устанавливали орудия и сами прятались с ружьями. Несколько дней я ходил на работы, потом на военные учения, мечтал пойти в бой и погибнуть.

Но тут ополчение распустили, объявив нам, что война закончилась, и мы с англичанами стали вновь друзья и партнеры. Оказывается, Ишань запросил мира и согласился «выкупить Гуанчжоу». Хорошенькое дело — выкупать у захватчиков собственные города! Он обязался вывести из города и приморских районов все войска, разблокировать фабрики, выплатить англичанам большую контрибуцию, а те снимали осаду и возвращали захваченные форты. Гонконг, разумеется, оставался у англичан. Возобновлялась торговля. Снова между островами и показавшимися на горизонте английскими торговыми судами стали снова парусные лодки и джонки, а над городом, как прежде, повис опиумный чад.

Однажды я встретил на набережной своих знакомцев-англичан. Подошел Чарли, как ни в чем не бывало, протянул руку и завел разговор. Я тоже не чувствовал ненависти к этим простым людям — сами по себе они ведь не сделали мне ничего плохого. Чарли сказал, что они вернулись на остров Лянсин и хотели бы, чтоб я снова привозил и продавал им продукты. Я согласился. Если губернатор и сам государь помирились и подружились с англичанами, то мне ли враждовать с ними? Никакой другой работы не находилось, а я задумал собрать денег, чтобы хватило пробраться домой. Дороги стали чрезвычайно опасными.

Так прошли осень, зима, снова близился Новый год, четвертый для меня Новый год в чужом краю. Никакого праздника я не ждал, радоваться мне было нечему. Почти каждый день я покупал продукты на рынке (несмотря на перемирие, иностранцы показываться в городе побаивались) и отвозил их на лодке своим англичанам. И снова мы часами сидели с Чарли на берегу и говорили о всякой всячине. Он оказался грамотней и начитанней, чем я прежде о нем думал, и много мне рассказал интересного об Англии, о своем городе, о морских путешествиях и даже географических открытиях, в которых ему довелось участвовать. Я же старался ему открыть глаза на Китай.

Однажды Чарли спросил:

— Ну почему вы, китайцы, называете свою страну Поднебесной (Тянься), а государство — Срединным (Чжунго)? Ведь земля, да будет тебе известно, как шар, и никакой середины на ней нет и быть не может. Плыви из любой точки, хоть, например, из Кантона, все время в одну сторону, и опять приплывешь в Кантон, только с другой стороны. Я видел много разных стран и городов — и каждый представляется центром мира, пока живешь там.

— Надо знать географию и историю Китая, чтобы понять, почему мы считаем свою страну срединной, — сказал я. — В какую сторону ни пойдешь, достигнув окраин, увидишь, что за границами Поднебесной лежат

дикие края, непригодные для жизни людей пустоши, глухие задворки мира. На севере плоские и безводные степи, летом они изнывают от зноя, зимой от невыносимой стужи. На западе — раскаленные пустыни и заоблачные ледяные горы. На юге, чуть дальше Кантона, начинаются смрадные болота и непроходимые леса, полные хищных зверей, ядовитых гадюк и смертельных болезней. На востоке безбрежный океан, с островов которого на наши берега налетают страшные морские пираты. Когда сравнишь все это с плодородной и живописной китайской равниной, с ее женственно-округлыми взгорьями, с обильными реками и мягким климатом, каждому покажется, что попал в лучшее место, в средину мира.

— Понятно! — рассмеялся Чарли. — Понятно, что все же ты кроме Китая не видал ничего другого. На свете же множество стран с многоводными реками и прекрасными долинами. Но ты прав в одном — родина все равно всех милее. Ты знаешь, как мы называем свою Англию? — Он мечтательно протянул: — Ста-а-рая до-о-брая... А ведь кто-то может мне возразить: да какая она старая по сравнению с Индией или Китаем? И разве она добрая, если воюет и посылает к вам корабли с пушками? Но для меня она — как матушка: старая, добрая. Самое забавное то, что мы друг друга до сих пор считаем варварами — мы вас, а вы нас. А вот так поговоришь — и переменишь мнение, перестанешь обзывать. Мы просто разные и пока не понимаем друг друга. Когда-нибудь пойдем, как ты думаешь?

Тут я задал Чарли вопрос, который давно занимал меня: «Поклоняются ли англичане чему-то высшему, знают ли что-нибудь о божестве?» Чарли сказал, что да, у них есть бог, он один, он добр и милостив, учит любить других людей («ближних», сказал Чарли) и не обижать их.

Конечно, мне тогда легче было поверить, что тигр не загрызает коз, а насыщается ароматом лесных фиалок, чем в доброго английского бога. «Почему же англичане считают себя вправе вторгаться в пределы нашей страны, угрожать нашему государю и предъявлять ему наглые требования, а при отказе — начинать войну, разрушать города, убивать стариков и детей? — думал я. — Что позволяет им так поступать? Наверное, не одни огромные корабли и скорострельные пушки, множество снарядов и пороха, и даже не посланная их королева, а тот самый бог, которому они поклоняются. Только он, видимо, совсем не такой, каким его нарисовал Чарли. Ведь не посмеют же люди так дерзко нарушать повеления своего бога. Очевидно, богом англичане называют того, кого мы называем дьяволом, ненавистника и врага людей. Возможно, он и добр, но только к своим слугам, «ближним», как сказал Чарли. Все остальные для него «дальние». Но какой же это тогда бог? Вот Будда учит любить всех людей, все живое. Потому-то ему сам собой открылся Китай, отворились сердца. Англичане же двери, в которые их не пускают, хотят разбить пушками».

Такие мысли мучили меня тогда. И как тут нам было с Чарли по-настоящему понять друг друга?

2

Однажды, приплыв на остров, я увидел среди англичан человека в форме морского офицера.

— Капитан Грей, — назвал он себя.

Не очень молодой, с неторопливыми внимательными глазами и свет-

лой улыбкой сквозь бороду, он мне почему-то сразу понравился. Стали все вместе пить пиво.

— Слушай, Вэнь, — сказал вдруг Чарли. — Ты не знаешь, как выбраться к себе домой. А они, — он кивнул на капитана, — через несколько дней отправляются в Шанхай. Ведь вы в Шанхай идете?

— В Шанхай, а потом в Нинбо, провинция Чжэцзян, — подтвердил капитан.

— Мой дом, моя родина совсем рядом, — сказал я обрадованно.

— Так возьмете его с собой? — спросил Чарли. — И Вэнь вам может пригодиться, видите, как говорит по-английски.

Капитан Грей пообещал поговорить с командующим:

— Думаю, он не станет возражать.

Спустя восемь дней мы с Греем на нанятой джонке плыли в Гонконг в расположение английской флотилии. «Сам сэр Поттинджер распорядился взять вас на корабль, — сказал капитан. — Переводчик ему очень нужен, ведь мы направляемся вглубь Китая». На вопрос, кто это такой, Грей пояснил, что Генри Поттинджер очень важная фигура, наделенный всеми полномочиями представитель королевы, министр торговли и всех прочих дел в Китае. В общем, главный здесь человек, которому подчинены и все военные, в том числе командующий эскадрой генерал Хью Гоф.

Так я попал на фрегат «Куин», отправлявшийся в сопровождении еще нескольких кораблей из Гонконга в Шанхай и в Нинбо.

В «Куин» погрузилось несколько колонн английских моряков и солдат, и это, наполняя сердце тысячами предчувствиями, омрачало радость скорой, как мне казалось, встречи с родными. Мне отвели койку на нижней палубе, где никто меня не тревожил, и я все время или дремал, или просто смотрел на море. Удивительно, с какой скоростью разрезал корабль морские волны, какая мощь выгибала его паруса! На четвертый или пятый день явился капитан Грей и сказал, что меня вызывает к себе Поттинджер.

— Не волнуйся, он хочет с тобой познакомиться и кое о чем расспросить, — сказал капитан. — С ним надо держаться почтительно, но без раболепия, просто каждую фразу начинай или оканчивай словом «сэр».

Мы зашли в каюту, по величине и убранству походившую на небольшой дворцовый зал. Развалившись в кресле, посланник королевы читал газету, на столе в фарфоровой пепельнице дымилась трубка. Хорошо откормленный, с пухлыми, гладко бритыми щеками и подбородком, белыми полными руками и круглым, выпиравшим из шелкового в цветочек жилета, животиком, Поттинджер меньше всего походил на военного человека.

Оторвавшись от газеты, он сунул в рот трубку и долго смотрел на нас, как бы недоумевая, откуда могли появиться в его каюте посторонние люди. Потом кивнул капитану Грею на стул.

Капитан сел, а я остался стоять.

— Ты китаец? — уставился на меня Поттинджер.

— Как видите, сэр, — сказал я.

Мой ответ заставил его усмехнуться.

— Действительно, тут нельзя ошибиться, — пробормотал он. И обратился к капитану Грею. — Знаете, о чем я только что читал в этой газете?

— Не могу представить, сэр.

— Тут один умник из Оксфорда рассуждает о наших китайских делах. И вот что он пишет, только послушайте: «Можно сказать без преуве-

личения, что в настоящее время в мире существуют только две цивилизации — наша, европейская, и китайская. Америка и Австралия с этой точки зрения лишь продолжение Европы. Мусульманская цивилизация, одно время столь блестящая, поражена неизлечимым бесплодием и шаг за шагом отдает европейцам свои владения. Индия спит, оцепенев в тягостной и сладострастной грезе. Япония, ранее близкая по духу Китаю, склоняется в сторону нашей цивилизации. Остается китайская — со своими тремя или четырьмястами миллионов жителей, чрезвычайно жизненная, совершенно бодрая и тем способная возбудить наши опасения». Каково?

Глянув на капитана, Поттинджер перевел глаза на меня.

— Все понятно?

— Понятно, сэр.

— Можешь сесть, — вдруг предложил он. — Читаю дальше: «Конечно, наша западно-арийская раса в настоящее время превосходит Китай силой и интенсивностью. Низшие расы, которые она захватывает, должны подчиниться или исчезнуть. Особенно в последние три века ее распространение представляется каким-то чудом. Ее наука, смелость ее гения, ее непреборимое оружие, по-видимому, обеспечат ей исключительное обладание земным шаром в ближайшее время. Так оно и было бы, если бы не Китай. Китаец чувствует, мыслит, рассуждает иначе, чем мы. Он имеет очень высокое понятие о себе и о своей цивилизации. В этом он похож на нас. Но хотя обыкновенно учтивый и вежливый, гораздо более нас смиренный пред силой, он в сущности нас глубоко презирает, в его глазах мы не более как грубые варвары. Усвоив со временем все новейшие достижения европейской техники, китайцы могут добиться небывалого роста государственного и военного могущества Срединной Империи. Это усвоение, которое долго задерживалось консервативным духом нации, ныне станет обязательным — и мы сами виноваты в этом, развязав с Китаем войну. Ведь никогда не предугадаешь, чем отзовутся те или иные наши дела. Сожгли хижину, снесли деревянное или глиняное поселение — в результате вместо хижины появится каменный дом, вместо груды лачуг — современный город. Показали силу наших пушек, меткость ружей, эффективные военные приемы — и потерпевший унижительный разгром противник вскоре вооружится тем же самым, выучится тактике и стратегии. Мы сами готовим свое будущее поражение». Каково, черт подери! А? Что скажете, капитан?

— Дело ученых обдумывать все возможные варианты, — не очень охотно, как мне показалось, откликнулся Грей. — А наше дело, сэр, действовать сегодня таким образом, чтобы об этом не пришлось пожалеть завтра. Тогда плохие варианты станут в принципе невозможны.

— Да-а-а, — лениво протянул Поттинджер. — А по-моему, так все это фантазии, иногда косоглазым не стать ровнею с нами... Знаешь, почему я считаю вас не способными выйти из варварства? — повернулся он ко мне. — Совсем не потому, что вы другого цвета, все это ерунда, а потому, что не уважаете и не цените свободу. Вас покорили маньчжуры, жалкое племя, и вы уж двести лет подчиняетесь им, носите косицы, кланяетесь, как болванчики. Перед вашим приходом я сочинял как раз обращение к китайской нации. Объясняю, что мы воюем не с народом, а с богдыханом и его кликой, призываю восстать, сбросить маньчжуров к чертовой матери и установить свободу торговли и всяких сношений. Нечего отсиживаться в своей Поднебесной! И тогда и у вас, черт подери, начнет-

ся движение и развитие. Лет через пятьсот станете в чем-то похожи на нас. Как думаешь?

— Сэр, у нас говорят: «Думай лучше, будет ли что поесть завтра утром, а не о том, чем отапливаться на другом свете», — сказал я. — Будущее от людей скрыто завесой, только Небо знает о нем, сэр.

— Опять эти двусмысленные восточные мудрости, — проворчал Поттинджер. — Впрочем, ты прав, думать надо о сегодняшнем, особенно нам здесь. Я вижу, ты понимаешь английский, говорят, здесь это редкость. Так вот, оставляю тебя переводчиком, будешь получать жалованье и матросский паек. Предстоят большие дела, большие разговоры на берегу...

Я привстал в поклоне:

— Благодарю, сэр, но я плыву до Нинбо, где живет мать и...

— Посмотрим, посмотрим, докуда нам плыть, — пробурчал Поттинджер, берясь за газету.

Аудиенция окончилась на полуслове, пришлось подниматься и уходить.

— Вот видишь, все устроилось лучшим образом, — сказал Грей на палубе, залитой ярким весенним солнцем. — Секрета нет, еще в октябре наши войска без боя заняли прибрежные города Чжэньхай и Нинбо, где и остались зимовать. Чем они там заняты сейчас, не могу сказать. Думаю, мы идем, чтобы забрать их и отправить обратно в Гонконг, а потом в Индию. В Китае им делать нечего, войны не будет, готовится мирное соглашение. Вот ты и потребуешься для переговоров...

Мы расстались друзьями. Добрый все-таки человек этот капитан Грей, хоть и англичанин! Я вернулся к своей лежанке и до поздней ночи не мог заснуть, представляя скорое возвращение в родной дом.

3

Как выяснилось позднее, дела обстояли совсем не так благостно и мирно, как думал капитан Грей. Увы, незадолго до появления флотилии Поттинджера, пассажиром, а по сути пленником которой я оказался, моя родная провинция стала полем битвы и, как прежде Гуандун, была обильно полита кровью. Узнав о вероломном вторжении в Чжэньхай и Нинбо, государь повелел выдворить англичан силой. Зимой в Чжэцзян были стянуты войска под командованием Ицзина, другого императорского племянника. В марте войска атаковали позиции захватчиков, но тем удалось отбить наступление, цинская армия понесла большие потери. И теперь Поттинджер вел свою эскадру с тем, чтобы еще более страшным ударом вынудить императора пойти на капитуляцию. Министр убедил королеву принять его коварный замысел — не ограничиваться пиратством на море и расстрелом приморских городов, а перенести военные действия вглубь страны, ближе к столице. «Нужно вспороть Китаю живот», — говорил Поттинджер.

Конечно, обо всем этом я узнал много позже. А пока с великим нетерпением готовился сойти с корабля на любой пристани в родной провинции, дабы на том завершить свое затянувшееся странствие и поскорее увидеть свой дом, живыми матушку и сестру.

Но — не обидел ли я чем-нибудь предков? Не родился ли в несчастливый час, «когда небо было охвачено гневом», как тот злополучный из книги «Шицзин»? Прекрасным майским утром наш корабль остановился в виду пристани города Нинбо. Началось обычное в таких случаях дви-

жение — в воду бросали якоря, потом шлюпки, кто-то отправлялся на берег, кто-то с берега на корабль. Я тоже вышел на палубу, ожидая своей очереди. И тут меня разыскал капитан Грей. Он выглядел расстроенным и смущенным.

— Дорогой Вэнь, — с непривычной любезностью заговорил он. — Мне неловко сообщать это, но таков приказ командующего — вас пока не отпускают на берег. Можно было бы и порадоваться, что в вас нуждаются, что вас ценят. Но зная, как вы стремитесь домой... Что делать! Думаю, задержка продлится не больше месяца. Приношу извинения...

Первым моим порывом было сбежать с корабля, броситься в воду — и утонуть или доплыть до берега! Я метался по палубе, как пойманный зверь. Нет, уйти незаметно не было никакой возможности. Я был единственным китайцем на корабле и, если такова команда Поттинджера, меня просто не пустят на трап. Чтобы не видеть манящей пристани, я ушел с палубы и забился в свою каморку. Как всегда бывает, на помощь изнывающему сердцу поспешил разум. «В конце концов, месяц не такой большой срок, чтобы унывать, а здесь, в качестве переводчика, я еще и смогу послужить государю и своей стране, — думал я. — Кто-то должен же постараться, чтобы увещевания и доводы наших властей стали понятны англичанам, а их замыслы и предложения известны нашим. Глухонемые ведь никогда не договорятся друг с другом. И не выпала ли мне большая удача быть единственным свидетелем происходящего, да еще и, невероятно, на вражеском корабле? Будет о чем рассказать дома. Будущим историкам мои показания станут чем-то вроде Книги песен. Надо только не забывать как следует все записывать».

4

17 мая 1842 года (я стал привыкать к европейскому календарю) флагманский фрегат «Куин», с ним еще шесть боевых кораблей и несколько транспортных, под командой министра Поттинджера, адмирала Паркера и генерала Гофа подошли к крепости Чжапу.

Прикрывающая вход в устье Янцзы, крепость стала первой преградой на пути вторжения. Сам город, окруженный стеною, находится на расстоянии полумили от берега, его укрепления были хорошо видны с корабля.

В море встретилась рыбацкая лодка — и адмирал приказал мне спросить, много ли в Чжапу китайских войск. Один из рыбаков сказал, что в городе нет ни одного солдата. Другого за неправду припугнули смертью, и он торопливо объявил, что в городе много войска. По-моему, и тот, и другой говорили то, что могло, по их мнению, быть угодно англичанам и сохранить им жизнь.

«Куин» повернулся бортом к берегу, моряки сбросили носовые и кормовые якоря и открыли орудийные порты. От кораблей к берегу и обратно забегали четырехвесельные ялики, катера и грузовые лодки — это высаживался десант. Китайские солдаты стояли в отдалении и наблюдали за высадкой, но никак не пытались препятствовать, и англичане уверенно и быстро заняли боевые позиции.

Ночь прошла в ожидании какой-нибудь депутации из крепости, но никто не явился. Утром, едва рассвело, с берега послышался бой барабанов, удары гонгов, стоны цимбал и призывные звуки труб. Я взбежал на палубу — и замер от увиденного: все поле предстоящего сражения было

покрыто стройными рядами воинов Поднебесной. Судя по виду и торжественной музыке, защитники крепости, с пиками и дротиками в руках, готовились не к бою, а к представлению, способному то ли запугать врагов, то ли их склонить к миролюбию. Одни, в изысканных одеяниях из цветных чжэньчзянских шелков, парадно маршировали, поворачивались, выстраивали сложные ритмические фигуры. Другие выплескивали кипучую силу и ярость древним воинственным танцем — размахивали мечами, громко выкрикивали проклятия и угрозы, крутились и подпрыгивали, делали в нашу сторону угрожающие выпады. Щитоносцы, показав сначала искуснейшие приемы фехтовки, затем с выставленными и поднятыми вверх расписными щитами выстроили парадную композицию «цветы мэй-хуа, усыпающие землю».

Распались и исчезли цветы — и тут, словно павшие с неба яростные драконы, влетели мастера рукопашного боя, священного шаолиньского ушу. «Жалящий кулак вылетает в повороте, как бьющая змея, с силой, обрушивающей небо на землю, — вспомнил я, глядя на бойцов, наставления шаолиньских монахов, в поэтической форме обучающих сокровенным приемам защиты и нападения. — Тысяча приемов и десять тысяч уловок образуют мастерство, шаг за шагом, незаметно для глаз порождают мощное тело».

Да, это они, бойцы ушу, крутились на берегу, подобные вихрю и молнии! Показом своего небесного искусства они думали устроить врагов, остановить задуманные бесчинства на священных берегах Янцзы, понудить отступить, сбежать, провалиться сквозь землю. Только шаолиньские бойцы способны на такое: «Пятки не оторваны, пальцы ног держатся за землю, как когти тигра. Для устойчивости шага опустошай центр стопы, как будто вгоняешь в землю клин, будь быстрым как ветер. Подошва легкая, энергичная, устойчивая и крепкая. Пинай, толкай, наступай и топай — подобно летающей рисовой саранче. Сердце полыхает как пламя, печень — комок молний, легкие выдыхают гром. Расхрабись, руки — как летящие стрелы. Сила неисчерпаема, атакующий бросок тела может свалить гору».

— Что это они вытворяют? — подошел ко мне капитан Грей.

— Это куай бу, — сказал я.

— Коротко и не ясно, — засмеялся капитан. — А если попроще, для неграмотных, вроде меня, англичан?

— Куай бу — это бойцы в образах налетающего тигра и скачущей лошади, это прыжки с одновременным отрывом обеих стоп от земли. В искусстве рукопашного боя, сэр, летящей ногой ломают железный столб, сносят горный лес, на куски разбивают облако. Ногу при этом нельзя увидеть, упругое вращение сметает врага, как пыль. Сноровистым кулаком можно смять боевой порядок, раскроить небо.

— Но как можно этому научиться?

— В Шаолине говорят: хочешь летать — научись вначале ходить. Настоящее мастерство достигается при упорных тренировках за тридцать лет.

— Пожалуй, мне начинать уже поздновато, — улыбнулся капитан.

И тут грянули один за другим два выстрела. Один из крылатых бойцов на берегу на мгновение завис в воздухе, а потом пал на землю, будто подстреленная в полете птица. Древний меч отлетел в сторону. Я обернулся на звук и увидел Поттинджера. Это он, оплывший каплун, посланец злой королевы, подпрыгивал с ружьем и визгливо вопил:

— Подстрелил! Подстрелил как фазана!

И тут на берегу все смешалось. Воины империи со священными маньчжурскими знаменами «Сян-хуань» (желтые с красной каймой), как тигры, бросились на англичан, завязалась схватка. Бойцы второго ряда выставили щиты с изображениями демонов и диких зверей. Головы некоторых воинов были закрыты шлемами из тигриных голов. Увы, ни одно из этих магических средств не уберегало от тяжелой английской пули! Английские солдаты знали лишь два-три простейших приема штыкового боя, но они шли плотным строем, механически, как заводные, стреляли и кололи, и поле вскоре покрылось цветастыми нарядами воинов Неба. Те, что уцелели, укрылись за крепостными стенами. Но что они значили, стены из кирпича, местами даже необожженного, перед стальными пушками фрегата «Куин»?

Ветер пытался сорвать корабль с места, но якоря надежно удерживали его.

Адмирал Гоф смотрел на берег и что-то шептал, возможно, молитву. Затем он одернул китель и отдал приказ адъютанту.

— Огонь! — выкрикнул тот.

Гром двадцати шести орудий правого борта встряхнул небеса. Когда пороховой дым развеялся, стало видно, что береговая батарея защитников города и часть крепостной стены превратились в обломки. В образовавшийся пролом ринулись английские солдаты. Пушки смолкли, и только из-за стен крепости слышались частые ружейные выстрелы и звуки рукопашного боя. «Они не сдаются, сражаются за каждый дом, стреляют из всех окон!» — докладывали Гофу возвращавшиеся на корабль офицеры и просили подкрепления. В полдень стало известно о гибели полковника Томминсона. Только к вечеру сражение стало стихать. Англичане выносили убитых и раненых — они потеряли тринадцать человек убитыми (в том числе двух офицеров) и больше пятидесяти ранеными. Пленных, связанных косами по восемь-десять человек, отправили под конвоем в занятый город. Трофеи составили 10 медных орудий и 82 чугунных.

Англичанам в первый раз пришлось иметь дело с маньчжурскими воинами. И они были поражены как их боевыми качествами, так и готовностью принести себя в жертву, равнодушием к смерти. Будучи не в силах перенести позор поражения, маньчжуры лишали жизни жен и детей, а затем и самих себя, разрезая себе горло. Сыновья убивали престарелых и немощных родителей, чтобы избавить их от участи попасть живыми в руки врага. Разрушенный пушками город был залит кровью.

5

После перестрелки у города Вусун громадный «Корнуэллс», на котором теперь сосредоточилось командование флотилией, с поднятыми парусами вошел в устье Янцзы. За флагманским кораблем кильватерной колонной шли еще одиннадцать боевых парусников — от столь же больших, как «Корнуэллс», с четырьмя мачтами каждый, и до десятипушечных бригов. Вся армада вместе со сторожевыми, транспортными и вспомогательными судами насчитывала семьдесят пять единиц. Капитанам сторожевиков был отдан приказ перехватывать и топить любые китайские суда, идущие вверх или вниз по реке. В этом и заключался замысел Поттинджера — отрезать север, и прежде всего Пекин, от южных плодородных житниц, чтобы вызвать в стране голод и возмущение.

В ночной темноте я стоял у поручней средней палубы «Корнуэллса» и смотрел на береговые огни, думая о людях, живущих по обе стороны великой реки. Вскоре они начнут голодать, а потом и умирать от истощения и болезней.

Никогда еще чужеземцы не осмеливались вторгаться военной силой в русло Янцзы, священной реки. Отец рассказывал мне, что первый белый торговец показался на ее берегу в тот день, когда родился мой дед. С тех пор там время от времени бросали якорь торговые корабли португальцев и англичан, но никто из них не посмел нарушить закон, запрещающий чужеземцам ступать на священную землю Небесной империи. С кораблей перевозили товар лодками сами китайцы. От белых торговцев и стал в городах появляться опиум.

От устья до Нанкина двести миль вверх по течению. Величественная река шириной до десяти миль не везде имеет достаточно глубокий судовой фарватер. Корабли то и дело садились на мель и, чтобы вырваться из плена, были вынуждены ждать прилива. Сама Янцзы упорно сопротивлялась захватчикам. Большие суда пришлось тянуть пароходами, в том числе и наш флагманский «Корнуэллс». Армада рассыпалась на части и невольно рассредоточилась. Некоторые корабли отстали от флагмана на шесть-семь дней плавания.

После начальных шестидесяти или семидесяти миль русло Янцзы резко сужается. Плыть кораблям еще труднее. Сюда, в среднее течение реки, приливы почти не доходят, и когда тот или иной корабль садился на мель, то чтобы снять его оттуда, приходилось сгружать на берег все тяжести, даже пушки. А с некоторыми судами это происходило почти ежедневно.

Серьезного вооруженного отпора после Вусуна нигде не встречалось, батареи с берега если и палили, то как-то беспорядочно и вяло. Но когда англичане высаживались на берег, на них всякий раз нападали военные или просто местные жители, и эти стычки не обходились без жертв. Чувствуя себя хозяевами на воде, захватчики превратились в узников на собственных кораблях.

Приближался Чжэньцзян, город у восточного входа в Великий канал. Построенный еще Первым императором, канал соединяет пять самых больших рек Поднебесной, ведет из южных провинций в Пекин и более двух тысяч лет служит главной водной артерией страны. Я с волнением ожидал этой встречи.

Когда показались стены Чжэньцзяна, утреннюю тишину прорезал свистящий полет картечи. Стреляли по нам выстроившиеся на берегу в несколько рядов гингалы. «Корнуэллс» тут же развернулся по ветру и бросил якорь. Пять других кораблей повторили флагманский маневр.

— Открыть орудийные порты правого борта! — скомандовал Гоф. — Поднять осадные флаги!

Орудийные порты открылись, а на бушприте были подняты флаги, объявляющие о начале осады. Моряки занимали свои места, готовясь к схватке. Сердце мое учащенно забилося.

Рывкнула первая пушка. А затем сотня корабельных орудий обрушила свою ярость на батареи, поставленные для защиты входа в Великий канал. А когда батареи затихли, корабли открыли огонь по стенам Чжэньцзяна.

Наконец стрельба прекратилась. Сначала я даже не заметил этого, поскольку совсем оглох от многочасовой канонады. Хлопок ладонью по плечу заставил меня обернуться.

— Приготовься к высадке на берег в составе группы адмирала Гофа, — прокричал адъютант.

На воду одна за другой падали шлюпки, заполнялись матросами и тут же брали курс к берегу.

Через полчаса отряд из семисот солдат и матросов выстроился в двух милях к востоку от Чжэньцзяна. Многие из англичан впервые ступили на священную землю Поднебесной. Вскоре на берег переправили лошадей.

Солдаты, вооруженные винтовками с привинченными штыками, медленно и осторожно приближались к стенам города. Впереди начинались заросли травы высотой по пояс. С левой стороны рисовые посеы, справа пальмовая роща.

Внезапно из рисового поля поднялся знаменосец с маньчжурским флагом и за ним строй вставших во весь рост воинов. Залп маньчжуров был столь густым и дружным, что англичане посыпались как игрушечные. Последовавший без заминки второй залп скошил еще ряд наступающих. Только тогда англичане пришли в себя и открыли беглый огонь. Но тут на них бросились с пиками и саблями воины из высокой травы. Исход схватки решила подскочившая английская кавалерия. Солдаты империи отступили к городским стенам. На помощь им из главных ворот полыхнула штурмовая атака. Англичане отступили в пальмовую рощу и открыли оттуда столь плотный ружейный огонь, что он косил защитников как траву. Вскоре под стенами не осталось ни одного уцелевшего китайского солдата. Все они бились насмерть и обрели вечную жизнь.

Но и от отряда англичан осталось меньше половины. Таких потерь захватчики никогда прежде не знали — и адмирал явно был смущен и растерян. Построив и пересчитав свое войско, Гоф скомандовал о штурме. Солдаты дали мощный залп по воротам и бросились на приступ. Им никто не ответил — в городе стояла удивительная, можно сказать, мертвая тишина. Солдаты с осторожностью, с наставленными штыками, входили в ворота, втискивались в пробитые пушками проемы. А стрельба все не начиналась. За солдатами стали подвигаться и офицеры. Какое-то время я надеялся, что жители и уцелевшие защитники успели покинуть город через западные ворота. Но чем дальше продвигался по проулкам, тем меньше верил в это. У какого-то дома я толкнул тяжелую калитку и вошел во двор. Страшная картина предстала передо мной: старики, дети, мужчины и женщины, юноши и девушки в беспорядке лежали на залитой кровью земле. Вся жившая в том доме большая семья покончила с жизнью. Те, кто, исполнив волю родителей, последними принимали смерть, с вонзенными в грудь ножами еще корчились в агонии. Но никто не стонал. Ни звука...

Такие сцены можно было видеть повсюду. В городе не осталось ни одной живой души. Ни одного голоса не услышали англичане — ни мольбы, ни проклятья, ни просьбы о помощи. Позорной сдаче, выкупу или плену жители Чжэньцзяна предпочли добровольную смерть.

Янчжоу, что на другом берегу реки, напротив, предпочел не сражаться с захватчиками, а откупиться полумиллионом серебряных долларов. Жителям богатого города не хотелось терять домов и амбаров, возможно, они хотели сберечь свой знаменитый на весь свет Храм желтой гортензии...

Так англичане овладели входом в Великий канал в месте его соединения с Янцзы. Они разбили два лагеря на разных берегах реки и пополняли запасы продовольствия грабежом окрестных селений и проплывающих изредка джонок.

— Отсюда мы постепенно удушим весь Китай, — объявил Поттинджер во время званого обеда на «Корнуэллсе». — Канал — это глотка, и мы не разождем мертвой хватки. Судьба горемычной этой страны предрешена.

Из раскрытых дверей адмиральской каюты доносилось, как офицеры, распаяясь вином и ромом, все громче поздравляли королевского министра с «победой над варварами», все хвастливей пересказывали свои подвиги.

На другое утро на воды и землю пал удушливый зной, столь горячий, какой бывает под крышкой в котле с только что сваренным рисом. В лагерьях и на судах начались болезни. Диарея, малярия, дизентерия валили с ног гордых завоевателей. На кораблях оголодавшие крысы обгрызали больным пальцы и носы. Матросы роптали, замаячил призрак мятежа, недовольство, подобно заразе, передавалось от человека к человеку, с корабля на корабль.

Река и канал были заблокированы, китайские суда не смели больше показываться, англичане закрепились на выигрышных позициях — но результата это не приносило. Пекин никак не шел с повинной, презрительное молчание Китая для вторгшихся становилось невыносимым.

Гоф убеждал Поттинджера решиться на новые военные действия, чтобы побудить императора к переговорам, например, осадить и обстреливать Нанкин, древнюю столицу Китая.

— Нанкин — это ключ к Пекину, священный для китайцев город, его падение возмутит всю страну. Богдыхан не сможет больше отмалчиваться и делать вид, что ничего страшного не происходит, — говорил Гоф. — Оставаться же нам здесь без движения хотя бы еще несколько дней — значит потерять все.

И Поттинджер принял решение:

— Двадцать кораблей остаются здесь для блокады канала, остальные следуют за мной — я буду на борту «Корнуэллса» — по реке к Нанкину.

1-го и 2-го августа снялись с якоря «Корнуэллс» и еще несколько боевых судов, к ним присоединились транспорты. Только благодаря обнаруженному на берегах Янцзы каменному углю флотилия смогла быстро двинуться: парусники вряд ли поднялись бы против сильного течения без помощи пароходов.

Орудия войны никому не приносят счастья,
это не средства благородного человека.

Идти впереди великой армии —
значит, начинать обряд своих похорон.

Сражаясь и побеждая,
роют себе могилу.

Кто мягок и податлив,
идет дорогой жизни,
кто негибок и тверд,
выбирает дорогу смерти.

Воин, бесстрашно рвущийся в бой,
найдет свою гибель.

Дереву, высокому и крепкому,
сыщется топор.

Флотилия не прошла и половину пути к Нанкину, когда меня вызвали и торопливо препроводили в капитанскую каюту. Там, наряду с генералом Гофом и Поттинджером, стояли трое китайских чиновников среднего уровня. Поклонившись положенным образом, я спросил их, что бы они хотели заявить командующему.

— Прежде чем начнутся переговоры, англичане должны прекратить грабить суда, следующие по реке, и свободно пропускать их, — сказал старший чиновник. Я перевел его слова.

— Скажи им, что этого мы не прекратим, — заклокотал генерал-губернатор. — Мы не снимем блокаду на воде до тех пор, пока не будет подписан устраивающий нас договор.

Китайские чиновники выслушали слова Поттинджера спокойно, без всякого выражения почтительно-отстраненных лиц.

— А еще скажи, — добавил Поттинджер, — чтобы всякие бездельники, подобные этим, больше здесь не показывались. Я не стану ни с кем терять свое время, кроме как с послами, наделенными действительными полномочиями.

Чиновники сошли с борта, а Поттинджер приказал флотилии продолжать движение по реке. Пятого августа пароход «Королева» отбуксировал «Корнуэллс» на позицию к стенам Нанкина.

Население второй столицы империи достигало уже тогда полутора миллионов. Маньчжурский квартал здесь отделен стеной с воротами от китайской части города. Видно, что окружающая город ограда была только что укреплена и вооружена гингалами. Для осаждающих приготовлены ящики с известью.

Северная часть городской стены и ближайшие ворота почти примыкают к реке. С появлением врага власти подняли на стенах белые флаги, показывая нежелание начинать какие-либо боевые действия, угрожающие безопасности города.

В тот же день на борт флагмана прибыл с белым флагом высокопоставленный мандарин по имени Чан. Меня снова вызвали: Поттинджер согласился встретиться с Чаном.

— Илицу и Киин, личные и полномочные представители императора Поднебесной, пребывающие сейчас в Нанкине, просят вас уважать священный город Нанкин и оставить его неприкосновенным, — внушительно сказал Чан.

Только я перевел, Поттинджер разразился смехом.

— Почему генерал ведет себя столь недостойно? — растерянно спросил Чан. — Чего не хватает этому варвару — ума, образованности или воспитания?

Я передал каждое слово.

— Скажи этой обезьяне, — заявил после короткого замешательства Поттинджер, — что у нас хватит ума и воспитания не только разрушить Нанкин, но и дойти до Пекина. Тогда и богдыхан услышит залпы наших орудий.

Удостоверившись в правильности перевода, Чан расправил плечи и негромко, но твердо сказал, глядя прямо в лицо Поттинджеру:

— Вы, чужеземцы, до сих пор не получили достойного отпора только из-за небесной доброты императора, которому не хочется большой войны. Чем же вы, англичане, отличаетесь от обычных грабителей? Подоб-

по разбойникам, вы вторгаетесь в нашу страну и осмеливаетесь грозить императорскому двору. Но берегитесь! Если терпение государя иссякнет, весь народ поднимется по его приказу, мужчины, женщины и дети. Каждый куст, каждый камень в Китае превратится в война, готового сразиться с врагом.

Лицо Поттинджера стало пунцово-красным, рот раскрылся, глаза заметались.

— Скажи этой обезьяне, — заорал он, не владея больше собой, — чтобы она заткнула пасть и убиралась к черту!

Не дожидаясь моего перевода, Чан плюнул Поттинджеру под ноги и повернулся к выходу. Ему бы, наверное, не удалось уйти достойным образом, если бы Гоф силой не удержал бешеный порыв генерал-губернатора.

— Не будем горячиться, сейчас это не в наших интересах, — говорил Гоф.

Спустя два дня на корабль прибыли представители Илипу, наделенные требуемыми полномочиями. Однако Поттинджер прогнал их, а флотилии приказал быть готовой в любой час обрушить по его команде огонь на стены Нанкина.

Чем больше я присматривался к этому человеку, тем меньше мог понять его. Поттинджер считал себя аристократом (он еще в молодости получил звание рыцаря) и верным сыном английской церкви, молился и божился, но мысль о том, что вторгаться военной силой в пределы чужой страны, убивать из пушек и ружей ее жителей только за то, что они защищают свой дом, нехорошо и противоречит всем законам веры, которую он на словах исповедует, видно, никогда не приходила ему в голову. И потому он очень удивился, когда Чан, которого он, как и всех китайцев, считал безбожным язычником, впервые вслух и столь резко осудил его за это. Приказ, полученный от королевы, по убеждению Поттинджера, освобождал его от всех небесных и человеческих установлений и давал право действовать любым, хотя бы и самым зверским, способом, необходимым для исполнения приказа. Он давно уже не сообразовывал свои действия и поступки с понятиями о добре и зле, а вполне был уверен, что все его распоряжения и команды, к каким бы ни приводили они убийствам и разрушениям, как бы ни были несправедливы и бесчеловечны, становились справедливы и законны потому только, что делались по повелению королевы, во славу английского владычества, во имя «цивилизации» и «свободы предпринимательства и торговли».

Когда из Нанкина прибыла вторая делегация и предложила выкуп в три миллиона серебряных долларов и скорое начало переговоров, Поттинджер ответил:

— Мы и так без толку потратили массу времени.

И приказал Гофу высадить на берег Мадрацкий туземный полк с лошадьми и полевой артиллерией.

На другой день явился новый посланец и передал, что Илипу и Киин ознакомились с верительными грамотами англичан, признали их достаточными и готовы приступить к официальным переговорам. Поспешно, с моим участием, составили план будущего соглашения и условились о времени.

Ровно в десять утра следующего дня Илипу и Киин торжественно прибыли на «Корнуэллс». Императорские посланники вручили англича-

нам согласованный вариант договора, а те показали гостям корабль, предложили им чай и черри-бренди. У Киина было красивое и вместе с тем мужественно-строгое лицо, большие выразительные глаза. Илипу же выглядел удрученным старцем. Они осмотрели корабль и вооружение с почтительным достоинством, не только без удивления или испуга, но с видом полнейшего равнодушия. В каюте командующего обратили взгляды на портрет королевы Виктории. Когда я объяснил им, кто это, сановники отвесили портрету низкий поклон.

Состоявшийся в тот день разговор внешне носил с обеих сторон вежливый и даже дружелюбный характер. Поттинджер, надев маску светского человека и утонченного дипломата, сказал о желании королевы видеть Китай открытым и гостеприимным. Илипу и Киин кивали в ответ и клялись, что хотели бы с великой заморской державой только мира и добрых отношений. Но глаза переговорщиков, встретившись, говорили друг другу многое без слов, и совсем не то, что я озвучивал как переводчик. Глаза англичанина говорили, что он не верит ни одному слову из того, что говорят китайские мандарины, что он знает, что они враги англичан и всего английского, всегда такими останутся и теперь покоряются только потому, что принуждены к этому. Глаза же Илипу и Киина говорили, что они считают собеседника злым и опасным хищником, не имеющим в себе человеческого начала, и надо быть осторожным с ним, как с ядовитым существом, проникшим в дом под покровом ночи. Все трое прекрасно понимали тайные мысли друг друга, но вслух говорили то, что считали нужным для пользы дела. Китайцы считали главной своей задачей понудить английский флот немедленно удалиться от Нанкина и вообще из русла Янцзы. Поттинджер — получить в руки подписанный договор, обеспечивающий интересы Британии, а ему награды королевы и славу победителя Поднебесной.

Через два дня Поттинджер и Гоф получили официальное приглашение посетить Нанкин. Естественно, я отправился вместе с ними. При въезде в город китайцы приветствовали гостей салютом двенадцати пушек. В Нанкине прошел самый важный раунд переговоров. Наконец был поднят вопрос об истинной причине войны — торговле опиумом. Китайцы наотрез отказались обсуждать вариант легализации этой торговли. Они спрашивали:

— Почему вы, англичане, разрешаете выращивать опиный мак в Индии, вашей колонии?

Англичане отвечали:

— Если мы запретим выращивание опия в Индии, его просто начнут производить в другом месте.

— Если ваш народ добродетелен и воспитан, — продолжал Поттинджер, — он сам найдет в себе силы отказаться от порока. А если ваши чиновники неподкупны и добросовестны, они не позволят опию проникать сквозь границы вашей страны.

— Наш народ не лучше и не хуже других, — возразил Киин. — А добродетельность и неподкупность, как слышно, в любой стране являются дефицитом.

В ходе препирательств Илипу и Киин старались, как могли, смягчить позицию англичан. Но многого ли добьешься, когда переговоры идут под прицелом корабельной артиллерии, а на кону стоит сохранность священного Нанкина и его жителей? Никто из китайцев не хо-

тел повторения судьбы несчастного Чжэньцзяна, а англичане с вежливыми улыбками то и дело показывали за столом кулаки. Дальнейшее известно. Подписанный на борту английского военного корабля «Корнуэллс», у стен Нанкина, договор открывал англичанам пять лучших портов — Гуанчжоу, Нинбо, Шанхай, Сямынь (Амой) и Фучжоу. Китай отдавал остров Сянган (Гонконг) английской королеве и обязывался выплатить 21 миллион серебряных долларов контрибуции в счет уничтоженного в Гуанчжоу опиума и расходов Англии на войну. На английские товары устанавливались льготные таможенные тарифы. Британские купцы получали право торговать «со всякими лицами, с коими пожелают».

А где англичане, там и опиум.

8

Договор был подписан — и Гоф отдал приказ флотилии развернуться и пускаться в обратный путь к морю. Поттинджер позвал меня в свою каюту и без скупости расплатился за службу, пообещав ссадить у пристани в Нинбо. «Без тебя, парень, трудно было бы объясниться с вашими мандаринами, — сказал он, — хотя, ты уж извини, лучше всего они понимают язык артиллерии».

Флот с теми же трудностями и остановками спускался вниз по течению, а по берегам, вблизи городов и сел, можно было видеть толпы рядных и ликующих жителей. Они били в барабаны, играли на всевозможных инструментах, пели и плясали, стреляли из хлопушек, запускали в небо воздушных змеев. На видневшихся больших плакатах я прочел: «Дровосек пришел — и макаки разбежались!», «Рыжие черти, убирайтесь в преисподнюю!» и тому подобное.

— Что это они празднуют? — спросил меня Поттинджер.

— Сэр, они думают, что англичане под Нанкином наголову разбиты и удирают на кораблях от победных войск императора.

— Идиоты! Боюсь, что именно так им представляют, так все и будут считать, — проворчал Поттинджер.

«Но чем же тогда победа отличается от поражения?» — думал я.

Река делалась все шире и неохватней, низкие берега плавном расходились от нас в правую и левую стороны. Корабли, с белыми, выгоревшими на солнце, флагами (не из-за них ли простые люди возомнили о поражении англичан?) и обвисшими парусами, как призраки опиумного наваждения, уходили из Поднебесной в сторону моря, туда же сносило пену и мусор.

Я почувствовал себя птицей, возвращающейся в родное гнездо, чайкой, скользящей над быстрой водой. Спереди по курсу красноватый туман, подобно пожару, занимался заревом нового дня.

Кто поднялся на цыпочки, долго не простоит.

Кто делает большие шаги, не может долго идти.

Нет большей беды, чем легкая победа.

Побеждающий других силен.

Побеждающий самого себя — могуществен.

Человек следует законам Земли.

Земля следует законам Неба.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

Стр. 57. *Провинция Чжэцзян* — провинция в южной части дельты р. Янцзы, вдоль юго-восточного побережья Китая. Столица — г. Ханчжоу, издавна считавшийся красивейшим городом Поднебесной. В составе провинции более 3 тысяч островов и семь портовых городов, наиболее крупные из которых — Нинбо, Чжоушань и Чжапу.

...в звании чиновника седьмого класса. — Чиновники в Китае того времени делились на девять классов. В зависимости от принадлежности к нему на груди и спине их халатов нашивались четырехугольные нашивки, называемые буфанами: гражданские чиновники имели буфаны с изображением птиц, а военные — с изображением диких животных и птиц. К знакам отличия чиновников относились также шарик на шапочке.

Ребенком звали меня Мацзы (Жеребенок)... — В старинном Китае детям часто давали «временные» имена, обычно в виде уменьшительных названий животных и птиц. С взрослением ребенок получал новое, «настоящее» имя.

Стр. 58. *Книга истории «Шуцзин»* — древнейший свод легендарных и исторических сведений, составление которого началось еще в XIV веке до н.э. Окончательная редакция сложилась во II веке до н.э.

...посмертное имя его *Вэньчжен* — В старину после смерти человеку присваивали новое имя, которое заменяло прежние, прижизненные.

...мыслью и духом *Чжу Си*. — Чжу Си (1130–1200) — выдающийся философ, ученый-энциклопедист, педагог, литератор, текстолог и комментатор конфуцианских канонических произведений, придавший учению универсальную и систематизированную форму. Именно в текстах Чжу Си конфуцианство обрело статус ортодоксальной идеологии и культурного стандарта в Китае и ряде сопредельных стран, особенно в Японии и Корее.

...негасимые светильники *Лао-цзы и Конфуция*. — Лао-цзы (Лао Дань) — великий мыслитель, легендарный основоположник философского даосизма (VI в. до н.э.) По преданию, Лао-цзы окончил жизнь в Индии. Конфуций (латинизированная форма китайского Кун Фуцзы — «Учитель Кун», Кун-цзы — Мудрец Кун, подлинное имя Кун Цю, 551–479 до н.э.) — мыслитель, государственный деятель и педагог эпохи Чуньцю, создатель оригинального философско-этического учения, оказавшего непревзойденное влияние на развитие общественно-политической и философской мысли. Основным источником знаний о Конфуции является книга «Беседы и суждения» («Лунь юй»), представляющая собой запись изречений и бесед философа со своими ближайшими учениками и последователями.

...изречения полководца *Сунь У*. — Сунь У — знаменитый полководец VI века до н.э., автор трактата «Сунь-цзы», почитавшегося в древнем Китае главным военным каноном. Звание «канонической» означало, помимо прочего, что книга предназначается для чтения не легкого и поверхностного, а медленного и углубленного, для заучивания наизусть. Единственная биография Сунь У в древней литературе принадлежит Сыма Цяню, автору «Исторических записок» — основного труда по истории древнего Китая.

...«шапочка беззаботного странника» — разновидность головного убора цзинь, который носили студенты и ученые, формой наподобие домика.

«Записки о случившемся в изголовье» — новелла эпохи династии Тан (VII–IX вв. н.э.).

Стр. 59. *Чжэн Хэ* (1371–1435) — путешественник, флотоводец и дипломат, возглавлявший семь грандиозных морских военно-торговых экспедиций, по-

сланных императорами Минской династии в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки. В результате этих походов многочисленные царства Малайского полуострова, Индонезии, Шри-Ланки и Южной Индии стали, хотя и на короткий срок, вассалами Минской империи, а Китай получил достоверные сведения о народах, населяющих берега Индийского океана.

Шань хай цзин, «Книга гор и морей» — анонимный памятник предположительно конца III — начала II вв. до н.э., объединяющий как разновременные пласты знаний по географии, минералогии, этнографии, космологии, медицине, так и собрание мифологических верований. Состоит из 18 цзюаней («свитков»).

Поэт Оуян Сю — государственный деятель, историограф, эссеист и поэт эпохи династии Сун (1007–1072). Также известен под вторым именем Юншу, в конце жизни — под придуманными им самим прозвищами «Старый пьяница» и «Отшельник Лю-и». Многосторонние дарования ставят Оуян Сю вровень с деятелями европейского Возрождения. В крупнейшем палеографическом труде эпохи «Собрание древних надписей с пояснениями» привел и прокомментировал сотни древних надписей на металле и камне. Под его руководством были составлены «Исторические записки о пяти династиях» и хроника «Новая история династии Тан». Оуян Сю знаменит и как поэт и прозаик, создатель жанра шихуа (рассуждения о стихах). Известные прозаические работы — автобиографические «Записки хмельного старца» и «Биография Отшельника Лю-и».

Стр. 60. ...лежал на раскаленном кане... — Кан — лежанка, обогреваемая проходящим внутри дымоходом.

Песнь о белом коне, ... причитания о rose на стеблях дикого лука — погребальные песнопения, входящие в свод древнейшей китайской поэзии «Шицзин».

...соорудил хижинку из бамбука и веток... — Высшая форма траура по родителям требовала от сына, чтобы он какое-то время жил возле их могил, во временной хижине.

...сжигая ... по горсти погребальных денег. — Для жертвенно-ритуальных целей (в храме, на кладбище, в домашней кумирне) применялись особые бумажные деньги, имевшие символическое значение, но не использовавшиеся при реальных расчетах.

Стр. 61. ...надеть шапку совершеннолетия. — Совершеннолетним юноша признавался с двадцати лет, что отмечалось, в частности, ношением особого головного убора.

...я не Чжуан-цзы и не мог представить себя порхающим мотыльком — даосский философ Чжуан-цзы (IV в. до н.э.) в книге бесед и поучений рассказал о том, что во сне он видел себя порхающим мотыльком. Проснувшись, философ не мог понять, кто же он на самом деле: Чжуан-цзы, которому приснился мотылек, или мотылек, видевший во сне Чжуан-цзы.

...пора начинать откармливать гуся — Обряд сватания состоял из шести обязательных церемоний, одна из которых — подношение родителям невесты откармленного гуся.

...вернулся из провинции Гуандун — Провинция Гуандун расположена на юге Китая, берега (протяженность береговой линии 3368 км) омывает Южно-Китайское море. Административный центр — г. Гуанчжоу. История, культура и язык (диалект) провинции сильно отличаются от других районов страны. Начиная с XVI века у Гуандуна установились обширные торговые связи с остальным миром. Европейские, в особенности, британские купцы торговали через Гуанчжоу, приходя к нему с юга через Малаккский пролив и Южно-Китайское море. Макао стало первым (1557 г.) европейским поселением в Китае. Торговля опиумом через Гуанчжоу, навязанная Китаю англичанами, привела к опиумным войнам, пре-

вратившим страну в полуколонию. Китай был вынужден передать Макао и Гонконг Великобритании, а Гуанчжоуский залив — Франции.

...*угощал ... ягодами личжи* — Личжи — фрукты южного Китая, внешне похожие на орехи, но с нежной, напоминающей клубнику, мякотью под скорлупой.

Стр. 62. ...*в восемнадцатом году правления Даогуан*. — Даогуан (1782–1850) — восьмой император династии Цин. Счет лет в китайском календаре (до падения маньчжурской династии в 1911 г.) велся от года восшествия императора на престол до конца его правления. Годы правления императора Даогуан 1821–1850, т.е. по европейскому летоисчислению дело было в 1839 году.

...*подобно поэту Ли Бо* — Ли Бо (современное произношение Ли Бай, 701–762/763 гг.) — поэт времен династии Тан. Называемый «поэт-святой», «гений поэзии», Ли Бо принадлежит к пантеону самых почитаемых авторов китайской литературы, крупнейших мировых поэтов. Его наследство включает 1100 произведений (в том числе около 900 стихотворений).

Стр. 63. *Пробило третью стражу* — т.е. наступил час ночи. На городских башнях отбивали начало каждой из пяти двухчасовых ночных страж (с семи часов вечера до пяти утра).

Стр. 64. ...*миску горячих мантоу*. — Мантоу — приготовляемые на пару большие пельмени, вроде пирожков.

...*люди из народа ханг-мау* — Ханг-мау (рыжеволосые) — принятое в быту название всех европейцев.

Стр. 65. ...*мань* — племена, обитавшие на южных окраинах Китая.

...*племена и* — собирательное название народов, живших на северных границах империи.

...*ханьцев* — Хань или ханьцы — крупнейший по численности народ на Земле, основная этническая группа Китая (около 92 процентов населения). Слово *Хань* берет начало от династии Хань, сменившей династию Цинь, которой удалось объединить всю страну. В «Ши-цзи» (Исторических записках) китайского историографа Сыма Цянь даты царствования Желтого императора, легендарного предка ханьцев, определены между 2698 и 2599 годами до нашей эры. Во времена правления династии Хань населявшие Китай племена стали ощущать себя частью единого народа. Время правления династии Хань считается высшей точкой расцвета древнекитайской цивилизации. Исторически в русском языке хань именуются как китайцы (под ними могут подразумеваться все народности страны).

...*прислал он сюда мандарина*. — Мандарины — данное португальцами название чиновников в имперском Китае, позднее также в Корее и Вьетнаме (порт. *mandarin* — министр, чиновник), соответствует собственно китайскому слову «гуань». В отношении чиновников в Китае действовал строжайший образовательный ценз. Для назначения мандарином требовалось пройти сложную процедуру экзаменации.

Стр. 68. ...*четыре заморские серебряные монеты*. — В приморских городах Китая в то время привычным было хождение английских серебряных талеров.

Глава вторая

Стр. 71. ...*не меньше 35–40 лянв серебра*. — Лян — мера веса, в разные эпохи разная, в 19 веке около 40 г. Лян серебра являлся основной денежной единицей.

Линь Цзэсюй — государственный деятель, мыслитель, ученый, литератор и каллиграф. В 1838 г., будучи заместителем южных провинций Хунань и Хубэй, начал активную борьбу с практикой курения опиума и опиумной торговлей, основанной на английском импорте. После его докладов двору указом 31 декабря 1838 г. Линь Цзэсюй был назначен императорским уполномоченным и команду-

ощим военно-морскими силами в приморскую провинцию Гуандун, где развернул успешную деятельность. Обращался с посланиями к английской королеве Виктории, предлагая запретить наркотик на землях Британской империи. С началом Первой опиумной войны (1840–1842 гг.) он, как сторонник самых решительных мер и наиболее раздражавший соглашателей при дворе, был смещен со всех занимаемых им постов и отправлен в далекую область Синьцзян. После свержения монархии, в 1929 г. в Китае был установлен в честь Линь Цзэсюя памятный мемориал; 3 июня, когда он приступил к уничтожению опиума, был объявлен общенациональным Днем запрета на опиум.

Ост-Индская компания — Британская Ост-Индийская компания, основанная в 1600-м году по указу королевы Елизаветы I, являлась не только торговым монополистом в Индии, но и имела военные и правительственные функции. Впоследствии ее интересы распространились далеко за пределы Индии. Фактически, компания являлась монополистом мировой торговли. С самого начала торговли между Великобританией и Китаем торговый баланс благодаря редкости и привлекательности китайских товаров имел заметный перевес в пользу китайского экспорта. Британский рынок в то время не мог предложить Китаю ничего привлекательного в обмен за чай, шелк и фарфор, пользовавшиеся в Англии большим спросом. Это вынуждало компанию оплачивать свои закупки китайских товаров драгоценными металлами. Из непростой ситуации английские торговцы нашли выход в контрабандных поставках опиума. Однако с 1729 года в Китае был введен полный запрет на торговлю и употребление опиума, а императорский декрет 1799 года ужесточил это требование. Между тем Британская Ост-Индская компания, являвшаяся монополистом по сбыту бенгальского опиума, начинает нелегальную торговлю им. От года к году объемы продаж растут: если в 1775 году было продано не более 1,4 тонн опиума, то в 1830 — уже 1500 тонн. Таким путем достигается положительный торговый баланс с Китаем. К 1838 году объем продаж опиума уже составлял около 2 тыс. тонн, а постоянными потребителями наркотика являлись более трех миллионов китайцев.

Стр. 72. *...целенаправленно и блестяще правит Поднебесной.* — «Целенаправленное и блестящее» (Даогуан) — династическое имя (девиз правления) восьмого императора династии Цин (1821–1850 гг.) Его личное имя было Айсиньгеро Мяннин.

Стр. 77. *Готова служить вам изголовьем и циновкой* — традиционная формула, означающая согласие девушки принять предложение жениха.

Стр. 78. *...части Лу-ин, Войск зеленого знамени* — наиболее массовая часть армии империи Цин. Подразделения Лу-ин, главным образом пехотные части, несшие охранную и гарнизонную службу, набирались среди китайцев и некоторых национальных меньшинств и находились под непосредственным руководством губернаторов провинций. Общий списочный их состав превышал 400 тысяч человек, однако, по некоторым свидетельствам, на самом деле солдат было значительно меньше. Многие губернаторы и офицеры вносили в списки «мертвые души», чтобы клать причитающееся жалование и довольствие себе в карман.

...попросил ... прислать восьмизнаменные войска — «Войска восьми знамен» — элита, костяк сухопутной армии империи Цин, сформированный еще во времена завоевания Китая маньчжурами. Цветами знамен являлись желтый, белый, красный и голубой, а также желтый, белый и голубой с красной каймой и красный с голубой. В знаменных войсках, рассредоточенных по важнейшим городам страны, служили исключительно потомки маньчжурских завоевателей. Из них составлялась императорская гвардия, они служили также общим стратегическим резервом полевых войск. С маньчжурскими частями англичанам впервые пришлось столкнуться при рейде на Нанкин.

Из донесений русских офицеров, побывавших в Китае в XIX столетии (уже после «Опиумных войн»), можно узнать, что и в те времена в Китае встречались войска, вооруженные луками со стрелами и проводившие учения, похожие на цирковые представления или на ритуальные пляски. Много времени уходило на фехтование на саблях, пиках и алебардах, стрельбой из луков занимались больше, чем стрельбой из ружей. «В конце смотра можно подумать, что побывал в театре», писал один из путешественников. Знаменитые китайские боевые искусства в 19 веке не имели уже никакого практического военного значения.

Офицерский корпус китайской армии формировался на основе двух противоположных принципов. В маньчжурских войсках низшие офицерские должности были наследственными. В китайских частях существовала система экзаменов, сдав которые можно было получить офицерский чин и должность. Продвижение по службе было связано с последовательным обучением и участием в конкурсах. Основными требованиями при этом являлось владение традиционными видами воинского искусства, то есть демонстрация упражнений из разного рода единоборств, стрельба из лука и т.п. Поэтому офицеры оказались столь же не готовы к встрече с европейской армией, как и рядовые солдаты.

Стр. 79. ...*почитание императора (богдыхана)* — Верховных правителей Китая именовали в официальных документах Тянь-цзы (Сын неба), Дан-цзинь фо-е (Будда наших дней), Ху-анди (Великий император), Тянь-ван (Небесный император), Шэн-хуан (Святой император), Шэн-чжу (Святой владыка), Ваньсуй-е (Десятитысячелетний властелин), Хуан-ди (Августейший повелитель), Чжэн (Настоящий, Святой), Юань Хоу (Повелитель обширного пространства), Чжицзюнь (Великий, Почитаемый), Богдохан (по-монгольски — Премудрый правитель). В личных беседах к императору обращались «Хуаншан» (Ваше величество) или Чжужцы (государь).

Царствовавшие династии имели символические названия. Китайская династия, правившая в 1368–1644 гг., именовалась Мин. Иероглиф «мин» означает «ясный», «блестящий», «разумный». Маньчжурская династия (1644–1911) именовалась «Цин» («цин» — «чистый», «светлый», «безупречный») или «да-цин» (великая Цин).

Стр. 80. ...*они зрели в «тайных обществах»*. — Во время и после Первой опиумной войны среди населения, особенно в районах южнее реки Янцзы, стали возникать различные тайные общества, известные под общим названием Саньхэхой (Триады) или Тяньдихой (Общества земли и неба). Наряду с деревенской беднотой, составлявшей основную массу членов этих организаций, в них входили представители городских низов, торговцы и даже отдельные мелкие помещики, недовольные господством маньчжуров в стране. Основным политическим лозунгом тайных обществ было «Свергнем династию Цин, восстановим династию Мин». Выдвигались и лозунги социального характера: «Чиновники угнетают, народ восстает», «Бей чиновников, не трогай народ», «Лишить богатых имущества, помочь бедным». Тайные общества подготавливали и возглавляли большинство народных восстаний, вспыхнувших после поражения Китая в Опиумной войне, в том числе и самого мощного из них — восстания тайпинов.

Стр. 82. ...*предпочитала путь Золотой середины* — «Золотая середина» (Ужун юн) — одно из главных положений конфуцианской морали, означающее отказ от всяких крайностей и нетрадиционных поступков.

...*учение об Инь и Ян* — учение о двух противоположных началах Инь и Ян — центральная концепция древнекитайской натурфилософии. Согласно ей, энергии Инь и Ян присутствуют везде, во всем, и являются бесконечными, как Вселенная, они способны плавно перетекать в свою противоположность, как утро переходит в день, день переходит в вечер, а зиму сменяет весна и т.д. То же самое про-

исходит и в нашем организме, мы бываем активны и пассивны, работаем и отдыхаем, спим и бодрствуем. Ян — активное начало. Инь — пассивное. К Ян относятся все быстрое, светлое, горячее, короткое, высокое, сильное, быстропротекающее, мужское начало, все нематериальное, левая сторона. Символы Ян — небо, солнце, дерево и огонь. К Инь относятся предсказуемое, низкое, холодное, мягкое, медленное, длинное, скрытое, слабое, медленно протекающие процессы, все материальное, женское начало, правая сторона. Символы Инь — земля, металл и вода.

Глава третья

Стр. 87. *Сам сэра Поттинджер распорядился...* — Генри Поттинджер (1789–1856) — первый британский генерал-губернатор Гонконга. С пятнадцати лет на службе в колониальной армии в Индии. Предпринял полную опасностей экспедицию из Белуджистана в Персию. В 25 лет получил чин полковника. В 1841 г. назначен главой британской торговой миссии в Китае, полномочным посланником королевы. В этом качестве в 1842 году руководил карательной экспедицией английского флота по реке Янцзы в центральную часть Китая, добившись заключения грабительского и унижительного для Поднебесной Нанкинского договора. Награжден орденом Бани, высшим орденом Британской империи. При Поттинджере завоеванный Гонконг превратился в опорную английскую крепость и в главно-го поставщика наркотиков в Китай.

Командующий эскадрой генерал Хью Гоф — Хью Гоф (1779–1869) — участник войн Британии с наполеоновской Францией. С 1837 г. в чине генерал-майора командующий дивизией колониальной армии в Индии. В 1842 г., на заключительном этапе Первой опиумной войны, командующий британских сухопутных войск в Китае. В последующем отличился в жестоком подавлении восстания сикхов в Индии. В 1856 г. побывал в Крыму с миссией награждения британскими орденами высших офицеров англо-французской экспедиции. Незадолго до смерти был произведен в фельдмаршалы.

Стр. 91. *...мастера рукопашного боя, священного шаолиньского ушу* — Боевые искусства Китая — социально-культурный феномен, созданный китайской цивилизацией и не имеющий аналогов ни в какой другой культуре. Они являются одновременно духовной дисциплиной и искусством самозащиты, способом социально-культурного воспитания и ритуальным видом спорта, системой психофизического тренинга и мистико-окультистической самореализацией человека в пространстве священных сил космоса. Китайская традиция относит появление ушу за два тысячелетия до нашей эры. Шаолиньское ушу — это традиционное название комплекса искусств рукопашного боя и способов владения оружием, зародившихся либо развивавшихся в монастыре Суншань Шаолинь, расположенном в провинции Хэнань, в уезде Дэнфэн.

Стр. 93. *Стреляли ... гингалы* — Гингалы — старинные ружья с фитилем.

Стр. 94. *Храм желтой гортензии* — даосский храм в городе Янчжоу. Название объясняется тем, что храм утопал в растущих изысканных и диковинных растениях и цветах.

Стр. 97. *Мадрасский туземный полк* — англичане активно использовали в Китае военные силы, сформированные в Индии из местных племен (туземцев). Тот же Мадрасский туземный полк участвовал затем в подавлении восстаний на территории самой Индии.

Стр. 99. *Подписанный ... у стен Нанкина договор* — Нанкинский договор, подписанный Англией и Китаем в августе 1842 года в результате Первой опиумной войны, считается образцом нового для той эпохи типа соглашений между

колониальными державами и государствами Востока. Если в Индии имел место простой захват территории без какого-либо договорного оформления, то Китаю был навязан юридический документ, лишавший его значительной доли суверенитета. Согласно договору, целый ряд китайских портов открывался для свободной торговли и предпринимательства, туда посылались обладавшие большими полномочиями английские консулы. На территории факторий и колоний (сеттльментов) фактически не действовало китайское законодательство, а подданные Британии были неподсудны китайским законам. Хотя британцам не удалось добиться разрешения на официальный ввоз опиума, он продолжал ввозиться во все увеличивавшемся количестве контрабандой. Вскоре военной силой подобные же и даже более грабительские условия Китаю навязали Соединенные Штаты и Франция.